

Александр Амурчик

Играй, гормон! Impetuoso

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 9

Александр Амурчик
Играй, гормон! Impetuoso. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720085
ISBN 9785449020239

Аннотация

Некоторые молодые люди воспринимают половую близость как высочайшее проявление общественной жизни. Если бы предприимчивость, проявленную в интимной сфере, эти парни обратили на бизнес, то непременно бы преуспели. Но в условиях страны, где победила социалистическая идеология, их единственным богатством оказывается сексуальный опыт, несомненно пышный, избыточно разнообразный – и потому же жалкий и бесполезный. Как горько ловеласу сознавать, что в мире ещё остались неудовлетворённые им женщины...

Содержание

Новелла первая. Пена памяти	5
1	6
2	9
3	13
4	18
5	19
6	23
7	26
Новелла вторая. Ромашка	29
Новелла третья. Свингеры	45
Новелла четвёртая. Честь имею!	55
Новелла пятая. Каролина	64
1	65
2	68
3	76
4	89
5	93
6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Играй, гормон! Impetuoso Цикл «Прутский Декамерон». Книга 9

Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2018

ISBN 978-5-4490-2023-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Пена памяти

Коктейль «Влад» («VLAD»)

Водка – 50 мл.

Ликер «Зеленый шартрез» – 15 мл.

Один дэш ракии.

Три дэша ликера мятного прозрачного.

Три дэша сиропа вишневого красного.

Четыре дэша соуса «табаско».

Одна чайная ложка молотого турецкого шалфея.

Одна чайная ложка давленого чеснока.

Коктейль назван по имени Влада Дракулы, в честь которого и был создан.

*Природа торжествует, что права,
и люди, несомненно, удались,
когда тела сошлись, как жернова,
и души до корней переплелись.
И. Губерман*

1

В воскресный день мы с Юлией, моей тётушкой, отправились к озеру «Фрумоаса» (название которого буквально означает «красивое») позагорать и искупаться. Прибыв на место и разоблачившись до купальников, мы пощупали пальцами ног воду, показавшуюся нам недостаточно тёплой для купания, после чего вернулись к своему пляжному покрывалу, брошенному на траву. Оглядев лежавших тут и там отдыхающих и не обнаружив среди них сколько-нибудь интересных для созерцания дамочек, я улегся поудобнее, а тётушка, вооружившись фотоаппаратом, отправилась в расположенный поблизости лесок, намереваясь поснимать там птичек, жуков, муравьев и прочих животных; это у неё на тот период времени было такое хобби. Оставшись один, я задремал под легкое шуршание набегавших на берег волн. А очнулся спустя примерно час, когда нас стало уже трое: рядом с тётушкой Юлией на покрывале сидела молоденькая женщина по имени Люба, её новая подруга, о которой я прежде кое-что слышал со слов тётушки, но лично еще не видел. Пока они разговаривали, обсуждая общих знакомых, покуривая и при этом манерно держа сигареты, я, не подавая вида, что проснулся, исподволь стал разглядывать тётушкину подругу. Лет мне минувшей зимой исполнилось восемнадцать, то есть наступило совершеннолетие,

и с этой поры мне были интересны женщины почти всех возрастов – от 15 до 40.

Люба – дамочка среднего роста с хорошей женской фигурой, брюнетка, волосы прямые, короткие, до плеч, уложены под каре, кожа слегка смуглая. Лицо приятное, черты правильные, рельефно выраженные: нос с небольшой горбинкой, средней полноты сочные губы; единственное несоответствие в лице – узко расставленные карие глаза. Зная об этом недостатке, хозяйка лица грамотно подкрашивала глаза по уголкам, чтобы они визуально выглядели более крупными. Голос у Любы был слегка хрипловатый, возможно, потому что обладательница его курила. Моя тётушка тоже курила, только, насколько я знал, редко и играючи, то есть не затягиваясь. Весь предыдущий год Юлия проживала вместе с нами – мною и мамой, приехав к нам «на юга» из города Новосибирска, где у неё остались родители и ещё одна сестра. Я, если честно, не имея братьев или сестер, был рад её приезду и гордился своей тётушкой, которая по возрасту – разница-то была всего в пять лет – более годилась мне в старшие сёстры, которой, как я теперь понимаю, мне так не хватало в жизни. Она была всесторонне развитой, современной, грамотной девушкой, любила музыку, была начитана, а также имела своё суждение на любую тему. Короче, мне рядом с ней было интересно и совсем не скучно.

Шевельнувшись, я выдал себя, и на меня одновременно уставились две пары глаз.

– Это и есть твой племянник? – шутливо спросила Люба, с интересом разглядывая меня.

– Ну да, познакомься, это Савва, я тебе о нём говорила.

– Очень приятно! – наконец сказала Люба, и я тут же ото-
звался:

– Взаимно.

Позднее мы пошли к воде уже втроём. Стали купаться, плескаться и брызгаться, в результате чего выяснилось, что вода вовсе не холодная, а очень даже приятная, бодрящая. Так проведя время до полудня – в попеременных купаниях и сеансах солнечных ванн, во время которых шёл общий разговор о чём угодно, – мы с Любой получше познакомились и даже стали испытывать друг к другу симпатию. Тётушка Юлия, уловив эти зачатки только-только зарождающихся между нами отношений, была, казалось, чуть-чуть покороблена, так как Люба была старше не только меня, но и её самой на целых три года, но виду не подавала. Она пару раз щёлкнула нас своим фотоаппаратом «ФЭД», правда, не вместе, а порознь. К слову, моя тётушка целыми днями с ним не расставалась, так как работала журналистом в одной из местных газет. Домой мы уходили уже после обеда: Любу мы проводили до автобуса, а сами пошли пешком, так как идти было недалеко.

Спустя несколько дней я повстречал Любу в городе, она шла к себе на работу. Остановились, улыбнулись друг другу, поздоровались. И тут в ходе разговора выяснилось, что она работает кассиршей в нашем кинотеатре, единственном в городе. Какой кайф! А я как раз в тот период просто мечтал, что у меня когда-нибудь появится знакомая или знакомый, который мог бы доставать порой дефицитные билеты на всякие разные фильмы; или же хоть изредка пропускал на сеансы бесплатно...

– Ты хочешь сходить сегодня на 19.30 на итальянский боевик? – спросила меня Люба.

– Да, – затаив дыхание ответил я (она ещё спрашивает); мечты сбывались.

– А после кино, если хочешь, вместе погуляем. Ты как насчёт погулять, мама ругаться не будет? Время-то уже будет позднее.

Голос женщины слегка дрогнул, выдавая волнение, мне, впрочем, непонятное.

– А после проводишь меня. Тебе не в тягость будет тётеньку моего возраста домой проводить?

– Да подумаешь, я и до самого утра могу гулять, – самонадеянно заявил я, хотя и не помнил толком, когда такое случилось.

– Вот и замечательно, – подытожила Люба. – Пойдем, я тебе билетик презентую.

Не припомню уже о чем был тот фильм, а вот по окончанию его мы с Любашей встретились у рекламной тумбы кинотеатра, на которой были наклеены афиши, и отправились гулять по пешеходной улице Ленина, где даже в этот поздний час было ещё немало народу. Со мной то и дело здоровались парни-сверстники, коллеги по спорту, изредка знакомые девчонки, с Любой же раскланивались граждане постарше и посолиднее.

Поев мороженого, попив лимонаду и вдоволь наговорившись, мы отправились тёмной неосвещённой улицей в сторону автовокзала, где в одном из общежитий у неё, как мне сообщила Люба, была своя комната.

Когда мы поднимались по лестнице и проходили по коридору, Люба слегка напряглась, боясь, что кто-нибудь заметит нас в этот поздний час вместе, но нам повезло проникнуть туда незамеченными. Комната на втором этаже двухэтажного здания, расположенного напротив автостанции, оказалась большой и довольно уютной.

Входя Люба включила, а уже спустя несколько секунд выключила свет в комнате, потянувшись ко мне всем телом, а я, хотя был тогда еще малоопытный и робкий малый, от такого доверия почувствовал себя совсем взрослым и открыл ей навстречу свои объятия. Спустя минуту мы уже лежали в постели, сумбурно помогая друг дружке избавиться от одеж-

ды. Ах, этот сладостный миг близости, слияния, соития, — на нём, как мне тогда казалось, зиждется мир. Сделав с «голодухи» три захода подряд, я решил перекурить; и тут оказалось, что для этого в комнатке Любы имелся особый закуток — миниатюрный уютный балкончик.

— Как тебе со мной? — спросила меня Люба, когда мы вновь завалились в постель.

— Классно! — честно ответил я.

— А у меня такое ощущение, будто ты, начиная меня любить, каждый раз разрушаешь мою девственность.

— Ну, в общем-то... Только отчего же так? — спросил я удивленно. — Ты ведь рожала, дочке-то восьмой год.

— Не спрашивай, это вообще особая история. Ты же чувствуешь, какая «она» у меня узенькая? Словно соколиный глаз, есть даже такая поговорка. Иногда еще говорят так: «мышинный глаз».

И она засмеялась счастливым мелодичным смехом.

— Ну да, точно, слышал как-то в разговоре между парнями такие слова, — неуверенно сказал я, не имея достаточного опыта в этом деле.

Прошло несколько недель. Теперь регулярно два-три раза в неделю мы с Любашей уединялись в её комнатке, казалось, наэлектризованной любовью. Если в постели нам в какой-то момент становилось жарко, мы включали огромный вентилятор, стоявший в углу комнаты, который приятно охлаждал наши разгорячённые любовью тела; жаж-

ду же мы удовлетворяли холодным пивом или вином, которое всегда присутствовало в холодильнике. Вскоре поменялся и наш любовный темп: если поначалу я кончал трижды, а она за этот период лишь раз, то теперь стало наоборот: мне хватало и раза, чтобы заставить её кончить трижды.

Короче, всё у нас было прекрасно, но вот незадача: кое-кто из начальства, курировавшего данное общежитие, имел, судя по всему, свои собственные виды на Любу и никак не желал, чтобы она водила в комнату общежития посторонних, желая заполучить дамочку для себя лично. Это я понял из её разговоров с подругами и кое-каких намеков. Короче, Любу вскоре выдворили из общаги, и стала она ездить, – а то и пешком ходить, – в село Рошу (Красное), что в пяти километрах от города, где у неё имелся, как оказалось, собственный домик.

Итак, из группы просто знакомых между собой молодых людей, в которую раньше входили моя тётушка со своим женихом Илюшей и две её подруги – Люба и Мара, у нас теперь создалась крепкая компания, состоявшая из трёх пар: это были сама Юлия с женихом, я с Любой, и третья их подруга Мара со своим Владом. Если у Юли с Илюшей было всё путем, то есть всё складывалось благополучно и дело шло к свадьбе, а наши с Любой отношения всем понятны, то у Влада с Марой всё еще было неясно. То они были вместе и являли для окружающих пример любви и единодушия, то вдруг наступал период охлаждения, а то и вовсе отчуждения, чуть ли не ненависти, и тогда мир нарушался энергичным скандалом, доходившим порой, как мне казалось, и до рукоприкладства, причём непонятно было, кто кого лупил, учитывая мощное сложение и буйный темперамент Мары.

Вот вам к примеру случай, имевший место всего неделю назад, когда моя мама отправилась отдыхать на курорт в город Сочи. Юля теперь все вечера (а иногда и ночи) проводила у своего жениха, а я, скучая по Любе, которая по какой-то своей срочной надобности взяла отпуск и полетела к себе на родину, куда-то в Сибирь, временно вернулся к прежней своей «любви» – Ирине. Семнадцатилетняя Ирина – стройная, утончённая и нежная, имела и натуру хрупкую, почти

воздушную, являя собой образ эдакого ангелочка. Одухотворённое, с мелкими чертами хорошенькое её личико только подчеркивало это впечатление, а нежный голосок и длинные, ниже лопаток, светлые, слегка выющиеся волосы закрепляли его. И вот в описываемый вечер, устроившись с Ириной на тахте в моей комнате, мы затянули нежную и томную песню любви. Но едва мы, уже обнажённые, только-только сблизились, как в дверь сильно постучали. Мне пришлось извиниться перед партнершей, встать, надеть трусы и, заранее соорудив грозное лицо, отправиться выяснять, кто пришёл.

Пришла... Мара, которая вела за собой за руку своего нового ухажёра... певца нашего городского ансамбля, любимчика публики, Юрку Павленко.

– Что случилось? – негромко спросил её я, но Мара, находившаяся под сильными алкогольными парами, втащила своего партнёра внутрь, попутно дохнув на меня мощным перегаром, икнула, и только после этого спросила, где моя тётушка Юлька.

– В городе где-то со своим гуляет, – ответил я, после чего Мара, ухватив меня за руку, повела к двери спальни, по дороге шепча: «Ты побудь пока, дорогой мой Савва, там в спальне. Самую малость, а мы тут с товарищем отдохнем в зале».

Отвлекусь тут на минутку и опишу внешность Мары: она была крепко сложена и вытесана грубовато: плечи, груди, бёдра, ноги – мощные и объёмные; кожа смуглая, волосы

чёрные как смоль, лицо круглое, глаза огромные, выпуклые, тёмно-карие, крупный нос с горбинкой, большой чувственный рот с двумя родинками над левой губой.

«Отдыхали» Мара с Юркой довольно долго, с час примерно, и сопровождался этот «отдых» дикими вскриками, охами и вздохами Мары, а финалом этих звуков оказался громкий треск. Спустя пару минут я, сторожко приоткрыв дверь, выглянул в зал. Диван, одна из ножек которого была подломлена, стоял перекошенный, а парочка в комнате отсутствовала. Я было обрадовался, что они уже ушли и пошел проверить заперта ли дверь, но парочка обнаружилась в туалете, причём его дверь была не заперта. Юрка сидел голышом на унитазе, Мара же, стоя перед ним на коленях, энергично двигала головой. Ничего не поняв из происходящего, я вернулся к Ирине. О сексе нечего было и думать, так как сумасшедшая Мара могла ворваться в нашу комнатку в любую секунду.

Тем временем стемнело. Одевшись, мы потихоньку стали выбираться из комнаты, но тут откуда-то наперерез нам выскочила Мара. Она была в одной ночнушке, а её партнера нигде не наблюдалось.

– Савва, извини что диван ваш сломала, – гортанно рассмеелась она, – починим, не волнуйся. А могу я твою девушку попросить ещё немного в комнате посидеть, а? А ты мне тем временем разок-другой вдуешь, хорошо? Партнер-то мой слабеньким оказался, два раза стрельнул и сбёг. Хуже нет, чем быть недолюбленной. Не побоишься ведь тётке Ма-

ре вдуть, а?

От Мары несло резким запахом пота, словно от тигрицы в зоопарке, не считая запаха алкоголя, да и вообще, блин, всё это было уже слишком, поэтому я без слов решительно отстранил её рукой и мы с Ириной подались к двери.

– Охлонись, Мара! Жду тебя снаружи через пять минут, собирайся и на выход, – выкрикнул я.

Но Маре на этот раз хватило и трех минут; обиженная женщина, успев за это время одеться, выскочила из квартиры, словно пробка из бутылки шампанского, и без слов побежала по ступенькам вниз. Моя Ирина, под впечатлением самого вида Мары и особенно её слов, так побледнела, что я уже стал опасаться за её здоровье, и мне пришлось дорогой её успокаивать.

Получасом позднее, гуляя по улице Ленина, мы с Ириной, которая только-только пришла в себя, повстречали мою тётку с её женихом, вместе с ними был и Влад. Мы поздоровались, перебросились парочкой фраз, и тут Влад, ухватив меня за руку, отвёл в сторону.

– Савва, ну ты же наверняка знаешь, где моя Мара, ну-ка, скажи мне скорее!

– Нет, мне нечего тебе сказать, – ответил я, – потому что сегодня мы с Марой не встречались.

Жалко мне было Влада, но не говорить же ему правду. Они поссорятся, затем она набрешет ему «с три короба арестантов», после чего они лягут, полюбятся-помирятся, на де-

серт Мара сделает ему приятно, и по окончовке я останусь виноват. А то, что я гулял с девушкой, так тут мне было легко соврать: тётушка сразу поверила, что Ирина просто подружка мне, невинная ещё.

Спустя пару недель после описанных выше событий вернулась мама с курорта, затем и моя Любаша прилетела; ножку дивана починили ещё раньше, и всё вернулось на круги своя. Даже Ирина осталась в выигрыше: её сосед Игорь, парень из довольно зажиточной семьи, предложил девушке выйти за него замуж. Она поплакалась вечером на моём плече, пострадала, но делать было нечего, ведь я жениться в свои восемнадцать никак не был готов...

Как-то вечером Люба закончила свою работу в кассе кинотеатра немногим раньше обычного и упросила меня сходить вместе в ресторан. Я, по правде говоря, ещё не был избалован подобными мероприятиями, но бодро повёл свою даму в это заведение, зная, что в нашем ресторане цены вполне разумные, а у меня в потайном кармане было заныкано целых тридцать рублей – на всякий случай.

Невозмутимый швейцар с поклоном принял у нас куртки, и мы вошли внутрь. Большинство столиков было занято, и нам был предложен четырёхместный столик у стены. Люба заказала официантке бутылку марочного вина «Прим-эварэ» (что означает «весна»), салаты, а также отбивные. Я сказал, что целиком полагаюсь на её выбор.

Публика в зале в этот вечер была средненькая, судя по скромным нарядам, но пёстрая по составу: пара компаний по 5—6 человек – местных граждан, которых я с лёгкостью отличал от остальных – праздновали дни рождения, о чём мы узнали из прозвучавших вскорости «музыкальных подарков» в исполнении ресторанного ансамбля. Ещё были несколько парочек, а также десятка два водителей трёх городских автобаз, заскочивших сюда выпить и закусить; ну и немногочисленные командировочные, которых можно было вычислить по одежде,говору, манере держаться и скром-

НЫМ заказам.

Я смаковал вино «Примэварэ», довольно вкусное, кстати, втихарька разбавляя его минералкой. Люба же тем временем, одетая с претензией на шик, держала бокал высоко в руке и торжественно оглядывала зал, словно заявляя: «Смотрите, вы, завидуйте, какой у меня молодой и симпатичный любовник». В зале действительно было довольно много её знакомых; или же, скорее всего, она была здесь частой гостьей, так как многие с ней раскланивались. Я же, принимая саму Любу и наши с ней отношения как некую подготовку к «взрослой жизни», избрал для себя позицию спокойного или даже как бы стороннего, насколько это возможно, наблюдателя. Вечер плавно тёк, мы с Любашей пару раз потанцевали под музыку оркестрантов, затем продолжили возлияния за столиком под немудрёную беседу. Но к нам неожиданно подошёл мужчина среднего возраста, невысокий, явно еврейского типа, энергичный и подвижный, но с животиком. Я сразу узнал его: Люба ещё раньше описала мне его как своего кандидата в женихи. Семён, так звали этого товарища, работал на городских стройках прорабом и обещал Любе достойную и даже роскошную жизнь, как только она выйдет за него замуж.

Поздоровавшись, Семен представился, Люба назвала ему моё имя, и мы пожали друг другу руки. Замечу к слову, что мы с Семёном были шапочно знакомы и прежде. Город наш небольшой, все в нём так или иначе друг друга знают.

Семён, не долго думая, уселся за наш столик, а тут как раз какой-то мэн пригласил Любу на танец. Подумав пару секунд, я согласился её отпустить, и таким образом, мы с Семёном остались вдвоём. Возможно, что и сама Люба желала этого разговора между нами. Семён же, оставшись со мной за столиком, повёл разговор не совсем о том, о чём я мог предполагать. Он стал мне рассказывать, что Люба в постели прямо огонь, отдаётся, как богиня, и прочее. Я спокойно глядел в упор на него и не мог понять, чего он добивается; Люба сказала мне, что с ним никаких отношений не имела, не имеет и иметь не хочет; он же, судя по всему, решил, что у нас с ней этих самых отношений ещё нет, потому и понёс эту выдуманную им галиматью, вероятно, с целью оттолкнуть меня от неё. К слову сказать, всё, что он говорил, никак не вязалось с реальностью: во-первых, Люба секс-бомбой не была, а была вполне обычной партнёршей, довольно пассивной в постели, но по многим параметрам приятной... Ну, и так далее. Его же слова – всё мимо, как говорится. Но к чему тогда весь этот базар, как у нас выражаются? Чтобы дать мне понять, что я – лишний? Убрать соперника? Прогнать мальчишку-сопляка, указав ему его место?

Мы позволили Любе еще один танец с тем же партнёром, сами же налили и выпили по сто граммов водочки, которую принесла по просьбе Семёна официантка. Но разговора у нас не получилось, так как мой собеседник чувствовал, что я его всерьёз не воспринимаю, и даже сказанные им слова о «секс-

бомбе» на меня не возымели действия. И это его, мужчину в самом соку, задевало: как это я, мальчишка, столь холодно-кровен в разговоре с ним. Тогда Семён, глянув на часы и сменив пластинку, с фальшивым сожалением сообщил мне, что его якобы где-то срочно ждут, и с тем сразу же по возвращению Любы убрался восвояси, заплатив, впрочем, за весь наш заказ. Я об этом не знал, пока позднее не попросил счет. Официантка, едва заметно улыбнувшись, сказала, что за всё уже уплачено. Я проглотил и это, где-то подсознательно понимая, что на месте Семёна и сам бы поступил так же. Да и счёт, откровенно говоря, был смешным, – не более десяти рублей.

– Ты пойми, Савва, – говорила мне дорогой Любаша спустя полчаса, когда мы, покинув ресторан, шли неторопливо по улице Ленина. – Ну не могу я выйти за него замуж, не люб он мне. Ростом низенький, живот вон какой, а ведь ему всего тридцать. То ли дело ты – высокий, стройный, красивый.

– В твоей ситуации, я считаю, Любанчик, кивать на живот предположительных женихов неразумно, – с умным видом сказал я. – Я тоже со временем приобрету медвежью фигуру, это вполне даже вероятно для спортсмена-борца. Но ведь он, Семён, реально сегодня существует, любит тебя, замуж зовёт. С деньгами человек, и, судя по всему, ребёнок, то есть дочечка твоя, ему не помеха. Очень много факторов за него. Подумай хорошенько. Ты ему ещё родить сможешь, жизнь продолжается.

Любаша от моих слов выглядела сконфуженно, даже подавленно.

– Ты считаешь? Стоит выйти за него? Но ведь я его не люблю.

Она выдавала эти сентенции скороговорками.

Я приподнял брови, но промолчал.

– Ну что ж, раз ты так считаешь, то я согласна, – наконец сказала она, поняв моё молчание. Видно было, что это решение далось ей нелегко, хотя разговор наш был просто

разговором,

– Но при одном условии: ты останешься моим любовником.

– А может, он лучший любовник, чем я, – пожал я плечами. – Может же быть такое? Кстати, он сказал мне, что вы с ним давние любовники.

– Брехло, – лицо Любаши вспыхнуло. – Наглая ложь. Вот потому-то ещё я за него и не выйду, так как он пустой балабол. Я ему даже руку не позволяю себе целовать, а он – туда же... А ты, Савва, значит, считаешь, что семь с половиной лет, которые нас с тобой разделяют, непреодолимый барьер для того, чтобы быть вместе?

– Нет никакого барьера, Люб. И ты классная, спору нет! – откровенно сказал я. – Просто я ещё незрелый товарищ в качестве жениха, мне ни дама твоего возраста, ни девушка восемнадцати лет (тут я вспомнил Ирину), сегодня никак для брака не подходит. Я ещё попросту не готов к семейной жизни.

Этот разговор для нас обоих был тяжелым, но, как я понимал, необходимым. И последняя фраза, сказанная мной, поставила точку в выяснении наших отношений. Любаша эту тему больше не поднимала и не развивала, я – тем более. Но мы и в последующие дни всё еще оставались друзьями-любовниками. Нередко теперь после работы я провожал её домой, в село под названием Рошу, до которого идти хорошим темпом было не менее часа. И ещё столько же мне

требовалось, чтобы вернуться домой. При этом мы часто, добравшись до ж.-д. станции, расположенной на краю города, а это было нам по пути, присаживались на полюбившуюся нам деревянную скамеечку, стоявшую в паре со столиком в тени двух крупных деревьев, кроны которых успешно отбивали свет от мощных станционных светильников, установленных на вышке. Тут Любаша, оперативно снимая трусики, забиралась на мои колени лицом ко мне или же задом, и мы в этих позах предавались любви. Очень редко в этот час кто-то проходил мимо, но увидеть что-либо со стороны было невозможно, разве что услышать наши охи-вздохи.

Приближался август, тётушка моя вот-вот должна была выйти замуж, а Любаша всё чаще бывала грустной.

– Что с тобой происходит, милая? – спросил я Любу одним вечером, когда весьма неожиданно для меня милицкий воронок, которым управлял какой-то знакомый Любы, подхватил нас в центре города и подвёз до Рошу, до самого её дома.

– Да вот подруга моя, тётка твоя, Юля, замуж выходит. Влад с Марой как будто тоже решили пожениться, а я, значит, одна остаюсь...

– Мы с тобой, Любаша, уже обсуждали эту тему, – мягко сказал я.

– Да, я помню... Короче, знай, сразу после Юлькиной свадьбы я уеду в родные свои места, в Сибирь. Что-то мне тут не климатит: жильё так себе, да и с работой никак не устроится. И в любви не везёт. Таким образом, у тебя есть неделя, чтобы решить и дать мне знать, передумал ты или нет меня отпускать.

– Хорошо, – согласился я. – Пусть будет неделя.

Откровенно говоря, Любаша, конечно, мне тоже запала в сердце и мне было больно расставаться с ней, но жениться... Нет, на этот шаг я решиться не мог.

Вечером следующего дня я, гуляя по городу, случайно

увидел стоявшую на Ленина милицейскую машину-газик, на которой нам с Любашей вчера повезло добраться до самого её дома. Я подошёл и увидел, что водитель в ней тот же, что и вчера.

– Приветствую, сержант, – натянуто улыбнулся я. – Хочу еще раз сказать спасибо, за то что вчера ты нас довёз до Рошу. Помнишь?

– Ах, да, – сказал милиционер, протягивая мне для рукопожатия руку. – С тобой была еще эта... Не помню, как её зовут.

– Соседка моя, Любой зовут, – уверенно подсказал я. – А я подумал было, что вы старые знакомые.

– Ну да, я её уже несколько раз туда возил, – сказал сержант. – Раньше-то проще было, она у автовокзала жила, теперь вот в Рошу переехала. Любовница она нашего Первого...

– Какого первого? – не понял я.

– Первого секретаря райкома, кого же ещё, – проговорил он. – Пару месяцев назад наш шеф, капитан, её домой повёз, дорогой всё в гости напрашивался, так Первый наавтра вызвал его к себе в райком и сказал, что ефрейтором сделает, хе-хе. Так-то, брат. А ты с ней серьезно, что-ли, встречаешься?

– Да нет, говорю тебе, соседи мы.

– Да-а? А то мне вчера показалось...

– Показалось..., – стараясь выглядеть равнодушным, ска-

зал я.

Таким образом, после его слов все сомнения мои испарились, и я без сердечных мук расстался с мадам Любой. Встретились мы с ней в последний раз на свадьбе у Юлии с Ильёй, но там из-за суеты, шума и громкой музыки едва двумя словами перемолвились. А ещё несколько дней спустя она таки уехала. На родину, в Сибирь. За новой любовью, за новым счастьем.

Новелла вторая. Ромашка

Коктейль «Голубой гавайский»

Это популярная разновидность «Пина-колады». В клубах и барах этот вариант пользуется популярностью за счет эффектного внешнего вида, а именно – красивого неонового синего цвета.

Ингредиенты:

Ром (светлый) охлаждённый – 20 мл;

сок ананасовый – 60 мл;

кокосовый крем – 20 мл;

Blue Curacao – 20 мл.

В чистом виде лёд в данной композиции не используется, но его можно добавить по собственному желанию. Ингредиенты смешиваются в однородный состав, презентуется коктейль в высоком бокале с трубочкой. Вместо указанного ликёра можно использовать любой другой, экспериментируя со вкусами.

*Слежу со жгучим интересом
за многолетним давним боем.
Во мне воюют ангел с бесом,
а я сочувствую обоим.*

И. Губерман

Как-то раз, ранним ещё вечером я, войдя в свой родной

город со стороны ж.-д. вокзала, взглянул на него как бы отвлечённым взглядом – со стороны, и вдруг эта местность, дома и виды, возникшие передо мной, пробили меня на лирику.

Вот тут, вспомнил я, минуя здание вокзала, мы с Любашей, героиней предыдущей моей истории, гуляли; на вон той скамеечке, потемневшей от времени и тепловозной гари, сидели, а миловались. Люба была старше меня на семь лет, я с ней, можно сказать, опыта набирался. Давненько это было, лет десять тому. Теперь я уже сам кому угодно набранный опыт передать могу.

А вот тут, где начинается собственно городская черта, слева по ходу, в самом первом по ходу, крайнем доме, жила, да и теперь возможно живёт, моя «первая любовь» – Татьяна с «птичьей» фамилией – Скворцова. Почему слова «первая любовь» я взял в кавычки? Пожалуй, не любовь это была, а так, горячка юных сердец: мне – 17, ей – 16. Несколько месяцев мы почти ежедневно были вместе, нас связывал секс и только секс, ну и разве ещё взаимная симпатия, без которой никак, но потом обстоятельства нас разметали: она замуж вышла, а я продолжил гулять с девушками.

Далее по ходу дорога идёт на подъем. Вот тут, через дорогу, в этом весело разукрашенном в три цвета домике живёт ещё одна моя симпатия по имени Татьяна, и тоже – не поверите – Скворцова.

Вспоминаю всё это с улыбкой и иду дальше. Прохожу ещё квартал, второй, и вот я почти поравнялся с местечком, носящим название «Шурин магазин». Уже мало кто помнил, что за Шура тут когда-то жила и торговала, я-то уж точно нет, хотя проживаю в городе с 1970 года, то есть уже пятнадцать лет, а вот название осталось.

Слева показался большой приземистый каменный дом за хлипким дощатым забором, тут Нинка живёт, подруга моя первая; но не любовница, нет, до этого у нас с ней не дошло. От неё через пару домов прежде жила девушка Ирина, она же героиня предыдущего рассказа вкупе с Любой. Дамочки эти – Ирина и Люба, слава Богу, в жизни так и не встретились, а вот с Ниной Ирине пришлось как-то раз отношения выяснять. Из-за меня девушки подрались прямо на улице, благо, будучи соседками, ходили одними дорожками. Я потом хотя и был весьма горд этим событием, но Ирину поторопился успокоить словами о том, что мы, с Ниной, дескать, просто друзья-приятели, а она – любимая, ну или любовница. Та хоть и ворчала позже, что от друзей до постельных партнеров в наше ненадёжное время – один шаг, но всё же моему объяснению рада была.

Вот так шёл я от двора к двору, от улицы к улице, и меня вскоре буквально распёрло от осознания того, сколько у меня в нашем городе имеется женщин и девушек – близко, то есть телесно знакомых.

А вот справа по ходу стоит небольшой двухэтажный

дом, весь состоящий из странных полуторакомнатных квартир. Дурацкий проект какой-то, с помощью которого хотели «осчастливить» население СССР: малая площадь, много квартир. Мне как-то приглянулась жившая в этом доме девушка по имени Олеся. Имя у неё было редкое для наших краёв, романтическое, да и песня тогда от «Песняров» была в моде про Олесю, а вот сама Олеся на моё внимание никак не прореагировала. Тогда я всерьёз заинтересовался, какие же именно мужики ей нравятся. Но вот незадача: мне вскоре пришлось узнать, причём совершенно случайно, что Олеся парней и мужчин не любит в принципе. А любит представительниц своего пола, то есть девушек. Тогда это было что-то из ряда вон, необыкновенная, даже шокирующая новость. Выяснилось, что подружка её и, соответственно, партнёрша – Заира, татарка. А спустя какое-то время я был окончательно шокирован, узнав, что дамочек этих в итоге образовалось целое трио, – к ним присоединилась Тамара. Вот такой треугольник: русачка Олеся, хохлушка Тамара и татарка Заира. Внешне, кстати, все трое довольно привлекательные мадамки. Девушки так и поселились вместе в полуторакомнатной квартире, а позднее Заире по наследству от дяди достался большой дом почти что в центре города, и они тем же составом перешли жить туда. Поначалу многих шокировал тот факт, что они живут втроём, что ни одна из девушек так и не вышла замуж и деток из них никто так и не родил, но со временем люди привыкли и потеряли к ним интерес.

Ну, а я, понятное дело, потерял его ещё раньше.

Когда я, прошагав полгорода, свернул на главную улицу – Ленина, на город уже легли сумерки. Народу на улице в связи с будним днём было немного, лишь у кафе «Весна» было кое-какое оживление, и я стал всматриваться в лица людей, стоявших тут и там. По большей части это были местные парни – наши городские бывшие и действующие спортсмены, а ныне сплошь хулиганы, только-только начинавшие в описываемый период сбиваться в группы, составившие впоследствии – забегу немного вперёд – местную мафию. Тут были хорошо знакомые мне боксёры из нашей спортшколы – Костик, Валера, ещё один Валера, Юра, Миша, и – да уж! – опять Валера. Все они хитренько так переглядывались между собой и как-будто чего-то ожидали.

Остановив одного из них, Костика, парня, наиболее, пожалуй, интеллигентного среди всей это шоблы, я, кивнув на двери кафешки, спросил:

– Чё это там, братишка, такое интересное происходит?

– Да так, – улыбнулся он, пожимая мне руку, – вот девчонки ждём на выход. Тут сегодня гуляют студентки-заочницы, окончившие наше педучилище в этом году. Ну, сам понимаешь, и мы ведь должны их поздравить с выпуском; уедут теперь, скорее всего, навсегда, и не увидимся больше.

Слегка заинтересовавшись его словами, я заглянул внутрь кафешки в надежде увидеть кого-либо из знакомых, но какой-то молоденький официант-лопух, исполнявший сегодня

роль швейцара, не виденный мною прежде и не знающий меня лично, цыкнул на меня: не видишь, мол, тут компания гуляет. В другой раз я бы встряхнул его слегка, взяв за шиворот, да объяснил бы популярно, кто есть кто в городской иерархии, но промолчал, просто лень было. Прошло ещё несколько минут, двери кафешки распахнулись и на улицу высыпало до полусотни девушек и молоденьких женщин. Все они, нарядно одетые, были весёленькие и румяненькие от ощущения праздника и выпитых горячительных напитков. Вскрики, возбуждённые возгласы, визг и писк, объятия и дружеские поцелуи, – и вот они становятся в круг, хлопая в ладоши, занимая тем самым весь тротуар от кафе до дороги и саму дорогу, то есть всю проезжую часть. Правда, в нашем городе по улице Ленина транспорт не ездит, разрешается только «скорым» и милиции. На мгновение у меня в голове мелькнул вопрос: а что я делаю на этом празднике жизни? Ответ нарисовался сам собой: наши ребятки, спортсмены-хулиганы, а в этот вечерний час ещё и половые разбойники, начали выхватывать из этого цветника или клумбы, если возможно такое сравнение, то одну, то другую дамочку и уводить с места событий. «Вот уж никогда бы не догадался до такого способа съёма, – подумал я, оглядывая оставшихся после первой обвальной атаки нескольких девушек; – так акулы в океане охотятся на сельдь, если не ошибаюсь. Или ещё так обрывают цветок, ромашку – лепесток за лепестком». Мы с читателем – люди опытные, многое знаем

об эротических «ромашках», когда несколько девушек, голеньких, разумеется, становятся в круг на коленки головами наружу с приоткрытыми ротиками. Или, что гораздо интереснее, головами к центру круга, а попками, соответственно, наружу. Но это я малость фантазирую.

Одна из девушек, полненькая такая симпатяшка, знакомая мне, кажется, ещё по тем временам, когда я трудился здесь, в баре, глянула на меня как-то то ли испуганно-растерянно, то ли с надеждой, из чего я понял, она бы не против была, чтобы я её отсюда забрал. Пока я соображал, стоит ли мне принять участие в этой своеобразной охоте, как девушку увели, и из сельдей, то есть из целого круга девушек, осталась всего одна. На вид совсем ещё малёк, то есть девчушка – ни ростом, ни весом не вышла. Однако стройная и сложена гармонично, а для меня в женщине гармония – главное. Таких ещё, насколько я помню, называют статуэтками. Казалось, она даже вздохнула с облегчением, когда я, быстро шагнув навстречу, подал ей руку.

– Надеюсь, моим партнером на сегодня окажется джентльмен? – прозвучал вопрос, показавшийся мне слегка вульгарным, но я с подбадривающей улыбкой кивнул девушке, и мы, не сговариваясь, пошли с ней вдоль по улице. От меня даже при беглом взгляде на девушку не ускользнуло выражение растерянности и лёгкого страха, написанное на её лице, следовательно, и вопрос ею был задан в надежде на доброе к ней отношение. Мы шагали прочь от ресторана. За это время на-

встречу нам пробежали несколько запоздалых запыхавшихся ухажёров, оставшихся без спутниц. Я вгляделся повнимательнее в лицо своей попутчицы. Оно было обыкновенным, по форме чуть удлинённым, на первый взгляд почти без косметики. Черты лица, насколько я их мог рассмотреть, обычные, а вот губы её, чётко очерченные, великолепной формы, мне показались очень красивыми. Волосы ниже плеч, тёмно-русые, слегка волнистые.

Итак, у меня на ближайшую ночь образовалась партерша, внезапно понял я. «Ну и куда мне её теперь вести и чего от неё ждать?» – подумал я, исподтишка разглядывая дамочку. Ростом маленькая, от силы метр пятьдесят пять, она и фигурой не вышла, казалось, в ней всего два с половиной пуда веса от силы (около 40 кг).

«Потому-то её никто из ребят и не зацепил, она ведь тощая, – прозвучал в моём мозгу мой же внутренний голос с немалой долей сарказма, – тебе вон досталась». «А что, я люблю миниатюрных дамочек, – мысленно гаркнул я на свой внутренний голос. – С ними веселее, да и любая поза в сексе им не проблема». На этом наш диалог с внутренним голосом иссяк.

По дороге познакомились: девушку звали Дина; я назвал ей своё имя.

– Говорили мне девчонки, чтобы я в общежитии осталась, а еще лучше, сразу, вместо похода в кафе, домой поехала, да разве хорошо это – оказаться вне праздника, оторваться

от коллектива? Ведь три года вместе...

– Нехорошо, – однозначно ответил я.

– Скажи, Савва, ты ведь меня не обидишь? – вновь задала вопрос она.

– Смотря что принимать за обиду, – ответил я, решив играть в открытую и вести девушку на хату, то есть оборудованную для подобных встреч квартиру, куда я обыкновенно водил девушек.

– Одну обидишь тем, что откажешься любить её, другую – наоборот, – забросил я удочку.

– Я... Даже не знаю, – растерялась моя новая подружка. – Я вообще-то замужем.

– И давно? – спросил я.

– Год уже! – с оттенком гордости сказала Дина. – Мне скоро двадцать.

– Да уж, срок немалый, да и возраст солидный, – почему-то сказал я, а сам подумал, что с замужней дамочкой проблем вообще быть не должно.

– Ребёночка еще завести не успели? – вновь спросил я.

– Да вот, решили, что доучусь вначале, и уж тогда...

– Всё правильно, умно, – сказал я, мы как раз подходили к нужному дому.

– Прошу, – я вновь подал девушке руку, взял её тонкие прохладные детские пальчики в свои и уверенно ввёл внутрь дома, в подъезд; а двадцатую секундами позднее – в квартиру, которая находилась на первом этаже.

Несколько минут девушка с интересом разглядывала интерьер трехкомнатной квартирki, в которой я не находил ничего достойного восторга. Я помог ей снять лёгкую курточку и с лёгким сожалением стал разглядывать свою новую пассию. Она оказалась, как я и предположил, словно статуэточка: прекрасно сложена, но немыслимо миниатюрна. Интересно, а её никак не пугают мои мощные габариты? Про себя, пожалуй, я уже давно знал, что крупные женщины, особенно с большими округлыми бедрами, типа как на картинах всемирно известного художника Рубенса – «крупняшки», как я сам их называю, – меня привлекают меньше прочих, потому что сам я «в некоторых местах» отнюдь не богатырь, а чтобы удовлетворять подобных дамочек, надо быть более мужественным, что ли..., а ещё грубым, примитивным, прямолинейным. А я вот больше по мелким девицам, эти, на мой взгляд, более подвижные, они же и более выносливые, зачастую темпераментнее крупных, однако же у них все размеры поменьше, что меня прельщает, ведь хочется чувствовать себя рядом с партнёршей если не гигантом, то хотя бы подходящим. А ещё с «малышками» в постели можно заниматься чем угодно, даже изошрённой сексуальной акробатикой, было бы желание и подходящее настроение, конечно. Да, я подсознательно понимал, что боязнь крупных женщин – уже комплекс, но что поделаешь, все мы не без комплексов... Возможно ещё, что мой – не самый худший.

Дина тем временем остановилась перед стеклянным под-

свеченным баром, оборудованным в мебельной стенке, и с интересом стала разглядывать бутылки; оказалось, её заинтересовал один из импортных ликеров необычного голубого цвета.

– Ты не голодна? – спросил я девушку, доставая из бара бутылку с ликёром и коньяк «Бисквит».

– В кафе наелась, – просто ответила девушка, принимая из моих рук рюмку с искрящимся голубым ликёром.

– Ну, за окончание студенческих мук, – сказал я, легко соприкасаясь своим бокалом с её рюмкой. – За твой диплом!

– Да... Действительно, даже не верится, что всё уже позади, – задумчиво отозвалась девушка, пригубляя напиток.

– У тебя тут есть ванная? – спросила меня девушка полчаса позднее, когда мы достаточно напробовались ликёров нескольких сортов.

– Да, конечно! – отозвался я.

Спустя некоторое время, когда Дина вышла из ванной, я, стараясь не глядеть на неё, чтобы не возбудиться раньше времени и не заключить её в свои любвеобильные объятия прямо сейчас, на пороге ванной, проскользнул мимо и по-быстрому ополоснулся. Нет, мне хотелось не быстрого секса, а улечься с девушкой в постельку, чтобы прочувствовать всё по полной программе. И всё же я мельком успел заметить, что пропорции тела моей новой подружки были совершенными, с чем себя и поздравил; это помогло мне настроиться на «боевой» лад. Прикрывая полотенцем наготу, я без лиш-

них церемоний скользнул вслед за Диной в постель, в пару секунд «отвоевав» у неё кусочек покрывала; после чего двигаясь к ней мало-помалу, привлёк её к себе вплотную. Комната была слабо освещена светильником, стоявшим у кровати и дававшим тёплый тёмно-красный свет.

– Боже, какой ты гигант по сравнению со мной, – шептала она, лёжа рядом и водя пальцем по моей груди, а я, хотя уже и был готов на все сто, не торопился, давая девушке время ко мне привыкнуть. – Если честно, в моей жизни до сих пор был только один-единственный мужчина – мой муж. Даже не представляла себе что вот так, легко, я смогу ему изменить...

– Но ведь этого еще не произошло, – сказал я, беря её ладонь и опуская вниз, на своё бедро. Моё естество отреагировало на это мощной эрекцией, а её рука, коснувшись его, вздрогнула.

– Но это произойдёт, – просто произнесла она, осторожно освобождая моего «удальца» из плена трусов.

– Савва, да он у тебя огромный, – произнесла она, сжимая головку члена в своей ладошке. – Боже, у моего мужа такой, ну, как твой палец... А у тебя в два раза длиннее и толще тоже в два раза... Он же в меня попросту не войдёт. Надо же, аж вдвое больше, чем у моего мужа... Я даже не представляла, что есть такие...

– Не волнуйся, – сказал я, едва сдерживаясь, чтобы немедленно не насадить этот цветочек на своё естество.

– Во-первых, хочу тебя успокоить, войдёт, – прошептал я, ласково оглаживая её прелестное тело и вздрагивая от предстоящего удовольствия. – Ну, может, вначале будет чуть-чуть больно, но потом приятно.

– А во-вторых, – повысил я голос, – насколько я помню из географии, если фигура вдвое длиннее и вдвое толще другой фигуры, то она в объеме больше не вдвое, а в восемь раз.

Надо сказать, что я наслаждался, сказав это и видя реакцию на эти слова на лице Дины. А реакцией её были почти ошалелые глаза и руки, инстинктивно прикрывавшие груди размером с её кулачок. Вот потому-то я и люблю иметь дело с миниатюрными женщинами, с ними, повторяюсь, можно почувствовать себя «гигантом».

Я стал целовать её прекрасные грудки-яблочки, затем шею, спину, и дождался того момента, когда моя партнерша пришла в возбуждение. Прижимая стопу её ножки размером с мою ладонь, к своей щеке, я выгнул её так, чтобы её вагинка хотя бы чуть-чуть приоткрылась навстречу мне, после чего медленно направил своё естество навстречу щёлочке с миниатюрными губками, покрытыми тонким пушком. Девушка, принимая меня, вздрогнула и слегка напряглась. Признаться, несмотря на взаимное желание поскорее слиться воедино, удалось нам это не сразу и не без труда. Но мы очень хотели, уже просто жаждали друг друга, и нам это, в конце концов, удалось. Каждое моё движение рождало стон моей партерши, но то были стоны не боли или страдания, а стоны

призывные, я чувствовал, что партнерше уже просто необходимо ощутить моё естество на всю глубину своей вагинки. С первого раза не получилось достичь полного контакта, мой «удалец» словно во что-то упёрся, но у нас будет еще возможность закончить начатое, подумал я, вынимая его наружу. Из-за узости «дундочки» моей партерши, мой «удалец» слегка побаливал, и я, ласково, но уверенно притянув голову Дины к своему паху, вставил его ей прямо в изящный ротик. Негодовать было уже поздно, хотя я видел по глазам девушки, что она не слишком рада моим действиям. Но он уже находился внутри, и Дина принялась его ласкать.

– Я не хотела глотать, но струя такая мощная, что я чуть не захлебнулась, – словно оправдываясь, сказала она несколькими минутами позднее, когда я излился в её кукольный ротик.

– В этом нет ничего неестественного, – сказал я, целуя её плечико. – А что естественно, то не безобразно.

– Если честно, мы с Вадиком, мужем моим, иногда практикуем это, особенно когда я хочу его во второй или третий раз, – прошептала девушка, вытягиваясь под одеялом поудобнее. – Но тут, испробовав такого гиганта, еще долго не захочешь повторения.

– Но ведь он вошёл туда, и почти целиком, как я и говорил, – прошептал я, чувствуя, что на меня накатывает сонливость.

– Ага, и что мне теперь с этим делать? – на слегка каприз-

ной ноте прошептала девушка. – Теперь нужна неделя, чтобы всё там восстановилось, а то ведь Вадик не поймёт, отчего это там так свободно сделалось.

– А рожать когда время настанет, – прошептал я, соединяя вместе указательные и большие пальцы обеих рук и показывая ей. – Вот головочка ребенка, и ты должна его оттуда выпустить наружу.

– Да, ты прав, – со вздохом сказала Дина, прижимаясь ко мне своим сладостным телом.

Мы уснули одновременно и так же одновременно, как мне показалось, проснулись, хотя прошёл от силы час. На этот раз я уже без особых ухищрений ввёл в неё своего «удальца» и медленно, с оттяжкой, выдал своей партнерше полу-часовой сеанс секса при отличной эрекции. Дина закусывала губы, чтобы не вскрикнуть, она стонала, выгибаясь мне навстречу своим гибким телом, умоляла поскорее закончить «экзекуцию», и я пошёл ей навстречу, выплеснувшись в неё всем своим запасом семени. Мы, обнявшись, замерли под тёплым покрывалом и задремали.

Когда я открыл глаза, за окном уже светало.

– Скажешь своему, как его, Вадиму, что у тебя месячные, пусть потерпит несколько дней, – грубовато сказал я Дине на прощание, часом позже выпроваживая девушку из квартиры после кофе с пирожными, которые, к моей радости, обнаружили в моём почти пустом холодильнике. Ей надо было спешить на автовокзал, чтобы успеть на рейсовый авто-

бус, а прежде еще заскочить за вещами в общагу. – Меня, Диночка, если что, всегда можно найти в баре.

Девушка на мои слова только кивнула. Я обнял её и нежно поцеловал в ушко, затем, после легкого замешательства и борьбы с самим собой – в губы. Да, я понимал, что эта наша с ней встреча первая и последняя, однако же – пусть у неё после неё останутся лишь позитивные воспоминания.

Новелла третья. Свингеры

Коктейль «Дайкири»

1 мера светлого рома;
свежевыжатый сок лайма или лимона;
чайная ложка сахара или 4 капли сахарного сиропа;
измельчённый лёд;
ломтик лайма или вишенка для украшения.

Наполнить шейкер льдом на три четверти, добавить ром. Смешать сок лайма и сахар, добавить в шейкер. Тщательно встряхнуть и сцедить в бокал для коктейлей или стакан «Мартини». Украсить вишенкой или ломтиком лайма.

*Весьма порой мешает мне заснуть
Волнующая, как ни поверни,
Открывшаяся мне внезапно суть
Какой-нибудь немыслимой херни.
И. Губерман.*

Виталий, мой давний товарищ, а также партнер по бизнесу, – он, работая на смешторговской базе нашего города старшим товароведом, поставлял мне для спекулятивных операций самые разнообразные товары, – позвонил мне в четверг и пригласил нас с подружкой моей Симой в гости к себе домой в воскресенье. При этом он что-то затаенно и многообе-

щающе шептал в трубку, из чего я понял было, что у него на базе появился новый дефицитный товар, и он не хочет говорить об этом по телефону, а желает всё рассказать при личной встрече.

Но вот настало воскресенье и мы с Симой отправляемся в гости. Дом, в котором жили мои друзья, расположен в самом центре города. В руках у меня букет цветов – алые розы. Мы позвонили у калитки и ухоженной дорожкой прошли к дому. Чета Свиридовых ожидала нас у входа. Одежды они были не по-домашнему – Виталий в костюме, Мила в элегантном платье. Мы подошли, поприветствовали хозяев, по новомодному соприкоснувшись щеками и изобразив поцелуй, затем все вместе вошли внутрь. Стоит сказать, что жилище моего товарища и его супруги Милы было весьма презентабельным на вид и при этом довольно уютным: импортная мебель, подобранная со вкусом, заполняла все пять комнат их большого собственного дома; светильники, ковры и прочие причиндалы – «маде ин не наше» – соответствовали. Вымыв в ванной комнате руки, мы в сопровождении хлебосольной хозяйки проследовали в главное помещение дома. Стол был накрыт в зале – самой большой комнате в доме. Горка отбивных на блюде, картофель, приготовленный в духовке и посыпанный зеленью, салаты, закуски, рыбное заливное. В центре стола запотевшая бутылка водки – «столичная», экспортный вариант, и шампусик – «Советское полусладкое» в окружении бутылочек «пепси».

Я огляделся по сторонам, обстановка зала была мне уже хорошо знакома: в углу пианино, к которому наверняка уже лет ...надцать никто не прикасался, на противоположной стороне комнаты мощный, облицованный мрамором двух цветов – чёрного и серого – камин, сбоку от которого на тумбе устроился огромный телевизор. Прямоугольный стол, за который мы уселись вчетвером, рассчитан на двенадцать персон, ну и комплект мягкой мебели у камина – диван и пара кресел, – вот и вся обстановка.

У Виталия и Милы есть сын восьми лет, Алёша, который теперь, в связи с летними каникулами, находился в деревне у бабушки, мамы Виталия, под городом Пенза.

– Давайте, друзья, выпьем за наш с Милой юбилей! – вставая со своего места, воскликнул Виталий и поднял свою рюмку. – Сегодня исполнилось десять лет, как мы поженились.

– И не предупредил ведь, – сказал я, тоже поднимаясь, – не объяснил, по какому поводу встреча. Хорошо хоть, мы с цветами явились, а то было бы совсем неудобно. Да, кстати, подарок за нами, хотя я и не представляю себе, чем вас, друзья мои, можно удивить.

И действительно, чем можно удивить человека, который вот уже две полноценные пятилетки усердно трудится на база горторга, имея доступ к любым группам товаров и хорошие отношения со всеми заведующими складами. На этом и был построен наш с Виталием бизнес: он мне гнал с базы

дефициты, в последнее время уже целыми машинами, а я переправлял всё это в прекрасный город Одессу, которая поглощала всё в любом количестве, щедро доплачивая за импортное качество.

Моя подруга Сима, с которой нам было ещё далеко до юбилеев, так как мы были вместе всего около месяца, немного растерянно поглядывала на нас, но мы выпили первый тост, затем был второй, а уже после пятого все ощутили себя совершенно свободно. Тут мне следует описать внешность своих друзей. Виталий, высокий, под метр девяносто, сухощавый, с длинными руками и ногами, живой и подвижный, был весёлым и по всем показателям свойским парнем. Лицо у него было обыкновенное, глубоко посаженные выразительные глаза, длинный нос, небольшой сухой рот с тонкими губами и выпирающий вперед подбородок. Не красавец, как заметила Сима еще при первой встрече, ну, в общем, обычный дядька, тем более что мы к нему, часто общаясь, уже привыкли. Виталий был типичный русак, мать и отец его проживали в России и были русскими уже много поколений, без примесей, чем он гордился. Мила, супруга его, молдаванка по национальности, внешне была женщина довольно привлекательная, ростом не более 165 см, сложения среднего, но не полная; плечи, грудь, бёдра – всё в ней было гармонично развито. Лицом хорошенькая, глаза живые, серые, широко расставлены, прямой правильный нос, слегка припухлые, очень сексуальные губки, нежный подбородок с ми-

лой ямочкой посредине. Короче, дамочка что надо. Надеюсь, у моей Симочки, которая тоже была женщина довольно интересная, при общении с ней не возникнет комплекса неполноценности. Ревновать же я ей повода не дам, мне наши отношения дороже.

Воздав должное выпивке и закускам, мы с Симой поблагодарили хозяев за вкусное угощение, после чего помогли Миле убрать со стола, хотя она и отказывалась от нашей помощи. Мила, женщина энергичная и подвижная, да ещё с нашей помощью, управилась с этим в считанные минуты, после чего мы засели у самовара за чаем и беседой. Бублики, баранки, мед, варенье, – всё по классике, как в старину чаёвничали на Руси. Конечно же, мы под чаёк обсудили некоторые интересующие нас темы. Но спустя какое-то время включили телевизор, – куда же сегодня без него, – и стали лицезреть какую-то разлекательную программу, благо порой и они идут по нашему телевидению, не всё же бесконечные балеты да хоккей смотреть.

В какой-то момент Виталий, извинившись перед дамами, позвал меня на двор – перекурить. Стоит заметить, что ни он, ни я всерьёз не курили, так, баловались. Но для такого случая у моего товарища нашлась пачка «Мальборо», и мы дружно задымили.

– Знаешь, Савва, у меня к тебе, то есть к вам с Симой, деловое предложение.

– Слушаю вас внимательно, – соорил я серьёзное лицо,

решив, что к нашему с ним бизнесу добавляется что-то новенькое.

– Мы с Милой, – Виталий в этом месте слегка замялся, но подбодрённый моей улыбкой, продолжил: – мы хотим вам предложить кое-что...

Пожевав губами, он наконец произнёс:

– Мы хотим вам предложить иногда спать вместе, ну, вчетвером. Ты меня понимаешь?

Я кивнул, хотя внутренне меня от неожиданности слегка передёрнуло, а он тем временем продолжил:

– Если вы не против, можно здесь, у нас в доме. Естественно, обо всём договоримся, гигиена там и прочее, установим границы того что можно, чего нельзя... Короче, предлагаю составить эдакую любовную четвёрку... Обдумайте это с Симой и дайте нам ответ. Когда вам будет удобно, конечно.

– Хорошо, Виталий, я буду говорить на эту тему с Симой. Ничего не обещаю, сам понимаешь... Но, принял к сведению.

На этом наш разговор был закончен, и мы, затушив окурки, вернулись в компанию наших дам, которые, как я понял по спокойному лицу моей Симы, эту тему даже не затрагивали. Ладно я, карточный игрок с многолетним стажем, на моём лице трудно что-либо прочесть, я свои эмоции умею скрывать, но вот Сима, уверен, нет, так как она по характеру эмоциональна, как большинство женщин, и не умела сдерживаться.

Вечером, по дороге домой, я пересказал Симе предложение Виталия и Милы, на что она вначале возмутилась, как я и предполагал, а затем и вовсе растерялась.

– Скажи мне, а что ты сам думаешь по этому поводу? – спросила она, забегая сбоку и заглядывая мне в глаза.

– Смотри, ты моя партнерша, как бы это грубо не звучало, – начал я. – Поэтому тут всё зависит от тебя: хочешь, окунёмся в этот разврат, не хочешь, я пойму это правильно, и мы забудем об этом разговоре навсегда.

– Если честно, мне это дико слышать, и я даже не ожидала, что ты можешь мне что-либо подобное предложить. Я слышала, конечно, что ты человек непростой и многое в своей жизни повидал, но такое... нет...

– Я понял, милая, и прости меня за то, что я передал тебе их предложение, а не мою личную просьбу. Но я не мог не спросить тебя, а вдруг тебе это любопытно, интересно, или же просто хочется попробовать...

– Иди к чёрту, Савва, – устало произнесла моя Симочка. – Сейчас пойдём домой, и я тебе там такое выдам, что тебе никогда, слышишь, никогда не захочется даже смотреть на эту Милу... не то чтобы спать с ней, да ещё в одной постели со мной.

– Согласен, милая, и еще раз меня прости, это была обыкновенная проверка на верность. Зато теперь я могу спать спокойно... с тобой, любимая, и только с тобой.

И действительно, Сима подарила мне незабываемую ночь,

феерический секс из неё буквально фонтанировал.

...Но вот я спустя какое-то время вновь вхожу в дом к Виталию... Один, без Симы, и поэтому мне очень стыдно. И сразу оказываюсь в спальне.

– Давай, Савва, присоединяйся, мы тебя давно уже ждём, – слышу я голос Виталия, он и Мила уже неглиже лежат поверх покрывал на широкой, явно по заказу сделанной кровати. Мила призывно движется, извиваясь в постели...

Я, повторяю, испытывал перед Симой огромное чувство стыда за то, что я пришёл в этот дом один. Вернее, я не должен был совсем идти сюда. Но вот я всё-таки тут, и мои вещи летят на пол. Виталий в этот момент ставит свою супружницу в позу «догги», то есть на коленки, а сам заходит сзади.

– Савва, давай присоединяйся, заходи спереди, – слышу я его слова, обращенные ко мне, – займи делом её ротик, ты не согласишься, какой он может быть сладкий.

Но я, увидев его заголённую задницу, которая стала в этот момент ритмично двигаться, делаю шаг к кровати. Член мой уже не просто возбуждён, он вздыблен, и я, поймав момент, когда задница двинулась мне навстречу, с размаху вставил его в худощавый волосатый зад, для верности придерживая его руками. Виталий задрожал, даже пытался что-то сказать, но мой натиск выдержал, а я, к своему огромному стыду,

продолжил движения и спустя пару минут, когда Виталий, судя по всему, кончил, тоже кончил ему в зад, выстрелив мощной струёй.

...И тут я проснулся...

Мои руки действительно лежали на чьих-то бёдрах, но это были бёдра моей Симы, Симочки. Я чуть было не заплакал от счастья, ведь всего минуту назад мне казалось, что я сошёл с ума и трахаю в зад мужика... Сима устроилась на моих бедрах лицом ко мне, и лицо её было таким родным, таким знакомым, какое у неё всегда бывает в минуты нашей близости.

– Ну что? – спросила меня Сима, осторожно сползая с меня, – ты кончил? Только что ты сам себя превзошёл – такая мощная потенция!

– Ну да, – расслабленно ответил я. – Хорошо было... и я просто счастлив видеть тебя.

– Я пришла к тебе где-то час назад, – сказала она, устраниваясь рядом со мной в постели поудобнее и кивая на часы на стене, которые показывали восемь утра. – Открыла двери ключом, что ты мне дал, тихонько позвала тебя, вошла, смотрю, ты спишь. Я разделась, и полезла тебе под тёплый бочок, смотрю, а ты такой возбуждённый, ужас, и что-то шепчешь во сне. И ворочаешься. Я поняла, что тебя явно что-то мучает. Ну я и решила освободить любимого мужчину от этого напряжения, ведь, наверное, нездорово вот так возбуждаться,

и при этом не кончить.

– Ты всё очень правильно сделала, а также очень вовремя пришла. А то я тут чуть было тебе не изменил, правда, во сне.

– Тебе приснилась Мила? – с ревностью в голосе спросила меня Сима.

– Хуже. Мне приснился её муж, только вот почему, я не могу тебе объяснить.

– И ты его?.. – Сима поглядывала на меня чуть насмешливо, и я, нежно взяв её за шею, притянул голову девушки вниз.

– И я его чуть было не... – сказал я, вставляя своего вновь возбудившегося «удальца» в сладостное тёпленькое колечко её рта, – но, к счастью, отказался от этого, ведь у меня есть ты.

Новелла четвёртая. Честь имею!

Коктейль «Солёный пёс»

Водка – 50 мл

Грейпфрут – 100 мл (1 шт.)

Соль крупная кристаллическая – 1 ст. л.

Лёд – по желанию.

*Добро со злом природой смешаны,
как тьма ночей со светом дней;
чем больше ангельского в женщине,
тем гуще дьявольского в ней.*

И. Губерман

Был у меня в середине 90-х приятель – Александр Чернов, служивший в местной воинской части. В возрасте 36 лет он был в звании капитана. При знакомствах или же просто так, разговаривая с кем-либо, он имел привычку к месту и не к месту говорить: «Честь имею!». Что, в общем-то, никого никак не задевало. А чего: офицер, родина, гордость, честь, все эти слова из одного смыслового ряда как-то созвучны. А вот новая жёнушка его, Антонина, приехавшая в наш город совсем недавно, всегда при этом добавляла: «Вот чего не имею, того не имею!». И я тогда, откровенно говоря, думал, что это просто анекдот такой или же семейная шутка.

Я вошёл в свою квартиру практически бесшумно, даже английский замок, открывшись, не щёлкнул. Аккуратно разулся в прихожей и в одних носках пошел по коридору в сторону кухни. Уже неоднократно члены моей маленькой семьи — жена и дочь — ругали меня за то, что я вхожу куда-либо вот так, крадучись, так как случалось, что тем самым пугал кого-либо из них. Но, увы, привычка — вторая натура...

Из кухни доносились явно нетрезвые и потому довольно громкие голоса моей жёнушки и её новой подруги, нашей соседки Тони, супруги того самого офицера Александра Чернова; ещё оттуда в комнаты проникал запах курева, а ведь курить в квартире я категорически запрещал. Насупившись и напустив на себя строгий вид, я совсем уже было собрался войти в кухню, чтобы прочитать дамочкам нотацию и напомнить нарушительницам о порядке, но громкие слова Антонины остановили меня у входа, и я обратился в слух. Она же, судя по всему, продолжала начатый ею накануне рассказ, перемежавшийся всплесками гомерического хохота самой рассказчицы.

— Я вышла вчера из бара в десятом часу. Выпила там больше обычного, но что в этом такого? Беспокоиться, я так себе прикинула, было нечего; во-первых, было ещё не так поздно, а во-вторых, один из парней — ваш, местный, — вызвал-

ся меня проводить до самого дома. Короче, идём мы с ним, разговариваем, шутим, смеёмся, доходим до места, где Дом быта расположен. Тут из подъезда ближайшего дома напереиз нам выскакивает ещё один парень, как оказалось, дружок моего провожатого. Отводит его в сторону, что-то на ухо шепчет, на меня то и дело кивает. После этого Пётр, ну, тот, что меня провожал, подошёл и предложил к его товарищу на квартиру зайти, по стакану шампанского выпить, мол, именно меня, то есть симпатичной дамы в их компании как раз и не хватает. Тем более, сказал он, это совсем рядышком, на первом этаже. Мне бы следовало отказаться, но ты же знаешь наш бабий ум, крепкий задним своим действием, а ещё по дороге алкоголь чуток выветрился, вот я и согласилась, — добавить.

Вошли, присели за стол, выпили по паре бокалов, у него действительно шампанское в наличии имелось, после чего хозяин квартиры, которого звали Серёжа, меня так легонько за шею взял и сказал, чтобы я не дергалась и шла с ним послушно в постельку. Ну, я и пошла, конечно, не получать же по морде от незнакомого мужика да на чужой хате. Ну, и Петя не дурак, тоже принял участие, вдвоем они меня распяли на диване, по два захода сделали, расслабились, подобрали, ещё шампусиком угостили. Я оделась, хотела домой уходить, а Петенька этот, как ни в чем не бывало, опять в провожатые напрашивается. Ну, блин, кадр тот ещё, думаю. Ну, я не отказалась, и после по дороге всё обдумывала, как же ему, козлу,

за эту «встречу» незапланированную «отплатить». Но пока мы шли, машина какая-то нас нагнала и меня в неё с силой увлекли. Петька, мой провожатый, сразу куда-то задевался, исчез. А в машине трое. Страсть какие озабоченные. Сказали, что в лес повезут, но я им заявила, что только что с двумя трахалась, а от них, может быть, болячка какая мне передалась. Припугнула их короче. Ну и решили эти ребятки не рисковать. «Тогда кормить будем», – сказал один из них, расстегивая ширинку, и мне пришлось троих оральным способом обслужить, хорошо хоть по одному разу им хватило. Состояние моё представляешь какое, да? Ну высадили они меня из машины, отъехали, и тут как раз еще одна машина рядом останавливается, знакомый мой из «жигулей» выходит, Алексей, работает технологом на винзаводе. «Ой, Тонька, – говорит, – не поверишь, как я мечтал тебя встретить вот так одну, без мужа». Я только покивала на его слова, так как ворочать языком было тяжело.

Посадил он меня в машину и повез в лесопосадку, больше, говорит, извини, некуда. Отъехали мы от города на пару километров, мне аж смешно стало: другие, не стесняясь, прямо в городе имели меня по полной программе, а этот застенчивый попался.

Ну, стал он меня целовать, облизывать то есть, а я смеюсь, ухохатываюсь. Он спрашивает чего мол, это я, а я ведь не могу ему рассказать, как и что. Короче, поиграли мы в любовь, трахнул он меня пару раз, и домой повёз.

У подъезда вышла, на свой четвёртый этаж кое-как поднялась, ключ в сумочке ищу. А в подъезде темно, хоть глаз выколи, и дома никого. Муж мой, вояка, капитан, на дежурстве, а сын наш, как ты знаешь, у мамы в Калараше (город на севере Молдавии).

Короче, пока ключ искала, сосед мой по лестничной клетке из своей квартиры вышел, давний мой воздыхатель. Он, как только меня увидел, стал хлопотать, посветить сподобился. Нашли мы совместными усилиями ключ, ну и сосед этот, его Дима, кажется, зовут, за мной в квартиру пробрался. Не успела я его спросить, чего он хочет, как он меня в зале на стол животом устроил и мощно так сзади отодрал, всеми печёнками его прочувствовала. Ну, то есть, как ты поняла, вставил, да не туда. Кончил он значит, по заднице ладошкой хлопнул, сказал, что хорошая я баба и обратно к себе подался. А я, раздевшись, уже еле живая под душ полезла. Не успела выйти оттуда, только стала в себя приходить, а тут меня, оказывается, еще один дружок дожидается, кличка Стаук. Представляешь, в зале за столом сидит, улыбается. Это я, значит, дверь наружную по глупости своей не заперла. Муж, говорю я ему, вот-вот с дежурства должен вернуться. А он, гад, смеется, говорит, до утра у него дежурство; они с мужем моим, кстати, друзья-приятели.

Короче, так вдвоем спать и улеглись, словно муж и жена. Я бы ему в любой другой день с удовольствием внимание уделила, только уж совсем выдохлась и, кажется, сразу в сон

провалилась.

Наутро я проснулась никакая, голова болела страшно. А тут этот, Стаук, рядом лежит. Во избежание скандала попыталась его выпроводить, а он смеётся, блин, и едва одевшись, на кухню подался, яишенки, видите ли, ему захотелось.

Дослушав эту фразу, я, вспомнив кое-что и связав события нынешнего утра, смог бы этот рассказ и сам закончить.

Накануне утром я как раз выглянул со своего балкона на улицу и на балконе Тонькиной квартиры – он располагается в полусотне метров от моего, в соседнем доме – заметил к своему немалому удивлению своего давнего приятеля Стаука. Он там курил. Бросив – совершенно случайно – взгляд на улицу, я увидел, что как раз в эту минуту к дому направляется, вышагивая чуть ли не строевым, наш общий товарищ – симпатяга-капитан Сашка Чернов собственной персоной, весь по форме. То есть муж Тонькин. Предположив, чем встреча двух Сашек может закончиться, я стал делать всевозможные знаки, стараясь привлечь внимание Стаука. Но тот, словно у себя дома, всё безмятежно покуривал и в мою сторону не глядел. Бросившись к телефону, я набрал знакомый мне по памяти номер их квартиры, и трубку взял... Стаук.

– Сашка, нахалюга, ты чё это там на чужом балконе рисуешься?.. – вскричал я. – Муж Тонькин домой идёт, вон уже в подъезд вошел.

– Да и хрен с ним, встретим как подобает, – спокойно от-

ветил мне Санька и положил трубку.

В итоге оказалось, что капитан Чернов, войдя в дом, обнаружил в квартире своего тезку и приятеля, сидящего за столом и уминавшего яичницу.

– Честь имею! – воскликнул он войдя. И сразу: – Тоня, а что здесь делает этот товарищ? – при этом он, указывая на Стаука, напустил на себя суровый вид.

– Так он же тебя тут дожидается, – спокойно ответила ему Тоня, наливая гостю в чашечку кофе. – Сказал, у вас было договорено о встрече. Уже с пол часа как пришел.

– Да.., – почесал в затылке капитан, но, так и не вспомнив о назначенной встрече, сходил и принёс с балкона пару бутылок пива – себе и товарищу – и уселся с ним за компанию завтракать.

Войдя-таки в кухню, я прервал окончание рассказа Антонины. Первым делом открыл настежь окно, затем выхватил из руки нашей гостьи сигарету и затушил её. Тонька сидела на стуле, ноги враскорячку, и, держа в руке пустую пол-литровую бутылку из-под пива, нежно её оглаживала.

– Как тебе такой размерчик, Савва, а? Скажи, нехило? – цепкий масляный взгляд этой распутной и распушенной мадам был противным донельзя.

– Нехило, – согласился я, даже не глядя на свою легко-

верную жёнушку, жалевшую всех на свете, соображая с чего начать – чтобы без мата, и как бы поскорее выпроводить эту сексуальную маньячку из нашего дома так, чтобы сразу да насовсем. Тонька, к слову, была женщина вульгарного типа, но при этом – чего не отнять – внешне привлекательная, и не удивительно, что многим нравилась. Да и много ли нам, мужикам, надо: чтобы был дамский силуэт приятных глаз очертаний – вот и все запросы.

Критически оглядев Тоньку, я еще кое-чего вспомнил. Месяца два тому назад эта мадам, если можно так выразиться, по приезде в наш город, едва познакомившись с нами, попросила меня достать ей антибиотики для лечения от народной болячки гонореи. «Понимаешь, – сказала она тогда невинным голоском, – муженёк мой разок налево сходил, ну и трипперок в дом принёс, так что выручай, Савва».

А я, добрая душа, достал, конечно, то ли рондомицин, то ли вибромидин из модных тогда, сейчас уже и не вспомню. Два курса. Но когда она попросила, чтобы я сам и проколол ей курс, я вежливо отказался. И денег с неё тогда не взял.

Послушав еще несколько минут бред нашей соседки, я то и дело бросал хмурые взгляды на супругу, которой, как всегда, всех вокруг было жалко, даже эту беспутную стерву Антонину.

А тут как раз в кухню вбежала наша дочечка, малышка дошкольного возраста. Она направлялась к матери, но по дороге Тоня её перехватила и явно уже собиралась поцеловать

ребенка. Я вскочил со своего места, буквально вырвал дочь из её рук, отвел в комнату, взглядом указав жене пойти туда же, а сам, вернувшись, схватил Антонину за руку и, невзирая на её сопротивление, довёл до двери, затем выпроводил её и следом вышвырнул её босоножки.

– Ещё раз увижу тебя в моём доме, убью! – сказал ей я. И захлопнул дверь.

На этом наша дружба с соседями завершилась. Но спустя месяц Антонина позвонила и попросила у меня лекарства на полный курс от сифилиса.

– С чем тебя и поздравляю! – не удержался я от сарказма.

– Ты не представляешь себе, Савва, как я несчастна, – всхлипывая, отвечала она. Но жалости к ней я не почувствовал.

Лекарства я ей достал, конечно – пенициллин и бийохиноль, на этот раз уже за деньги, но встречаться лично не стал; через мужа передал, пусть будет в курсе всего происходящего, а я уже как-нибудь в сторонке.

Новелла пятая. Каролина

Коктейль «Ржавый»

Этот коктейль для любителей кофе.

Кофе растворимый, текила, напиток, кубики льда, —
всё по вкусу.

*Вольясь в земного времени поток
стечением случайных совпадений,
любой из нас настолько одинок,
что счастлив от любых соединений.*

И. Губерман

Самолёт «Ту-134» рейсом Кишинёв – Минеральные воды уже стал набирать высоту, а я, обычно любивший глядеть в этот момент в окошко, наблюдая, как запрокидывается земля со всеми зданиями, машинами, людьми и прочим, что на ней громоздится, с удивлением разглядывал своих попутчиков. Подавляющее большинство их составляли сельского типа молдаване – по большей части это были мужики от 40 до 50 лет, но было среди них и несколько дамочек. За свою не слишком долгую жизнь – тридцать один неполный год, я уже успел, пользуясь услугами «Аэрофлота», побывать в голубом небе родины не менее сотни раз, но впервые оказался среди столь пёстрой, хотя и однородной публики. Какой-то такой странно местечковой. И вдруг я понял: все они, включая меня, были в одной теме – ведь все мы из Молдавии и летим на отдых, на Кавказ.

Для меня, впрочем, эта поездка стала в некотором роде неожиданностью: всего неделю тому назад наш генеральный директор Василий Иванович Н., зайдя в овощной магазин, где я трудился, вдруг заявил, что он, заботясь о моем здоровье, презентует мне от организации профсоюзную туристическую путевку сроком на 24 дня в Пятигорск. И это при том, что мне отпуск вообще не полагался, так как проработал я в фирме всего четыре месяца. Уже потом, после сво-

его возвращения, я узнал, что он – Василий Иванович, таким образом попросту от меня избавился, видя в моем лице помеху в одном не слишком чистоплотном дельце, которое он замыслил. В частности, объектом его внимания была обыкновенная девушка по имени Вика шестнадцати лет от роду, которая работала вместе со мной в соковом баре при овощном магазине. Пообещав её родителям, простым сельским труженикам, что устроит их девочку работать «в городе», он, по своему обыкновению, решил, что должен за свои «труды» получить награду: то есть саму девочку, а если уж точнее, интим с ней. И это невзирая на её несовершеннолетний возраст и свой огромный живот, не говоря уж тут о морали и всём прочем. Внешне, пожалуй, эта самая Вика, о которой идёт речь, в свои шестнадцать выглядела совсем как взрослая, то есть уже полностью сформировалась: среднего роста, симпатичная, хорошо сложена и довольно упитанная, при этом её полные груди весьма заметно выделялись под свитером. Тут следует отметить, что наш шеф всех до одного из числа своих работников обложил данью, благо торговое объединение, которым он руководил, считалось доходным, то есть попросту воровским. Это была сеть овощных магазинов, по большей части мелких лотков, рассчитанных на одного-двух продавцов. И лишь веяние времени заставило руководство фирмы пойти на строительство большого магазина, в котором, кроме овощного, фруктового и консервного отделов, был обустроен бар. Обыкновенный соковый бар с хоро-

шей современной техникой, включавшей в себя, кроме аппаратов для охлаждения соков и электрической мойки, фризер для мороженого. Этим самым баром они – руководители предприятия – и соблазнили меня, бармена с немалым опытом работы, придя ко мне домой и буквально атаковав, рисуя радужные картины будущего. Горбачёвская безалкогольная программа выкинула меня на улицу, лишив работы в обычном коктейль-баре, а тут предложение поработать на соках с мороженым... Короче, я не смог отказаться.

Но вернусь к повествованию: женщин он пользовал по линии секса, даже на работу принимал, исходя сугубо из этих соображений. Что, впрочем, не мешало ему, добившись их расположения, обирать дамочек ещё и по части финансов. Всех мужиков в фирме Василий Иванович обирал ежемесячно, при этом был неуступчив, агрессивен и нахален. Меня же он пока ещё не трогал, очевидно, не понимая, сколько я зарабатываю в этом самом баре левых денег. Возможно также, что Василий Иванович попросту остерегался, видя, как ко мне дружески относятся первые лица города: председатель горисполкома и райкомовские работники, включая Первого. Откуда ему было знать, что за прошедшие годы нами совместно было пройдено и выпито немало.

Мои земляки, городские и уж тем более сельские жители, люди весьма простые в быту и общении. Поэтому, едва самолёт стабилизировался в полете, они стали доставать из своих сумок всевозможную снедь, а также бутылки, банки и канистры с вином. Делалось это всё открыто, по-домашнему, и уже спустя каких-нибудь двадцать минут салон самолёта своим внешним видом и запахами стал напоминать кабак низкого пошиба. Почти все пассажиры сразу же перезнакомились между собой и на этом фоне угощались сами и угощали других вином, по большей части домашним. Стюардессы – три стройных девушки в аккуратных обтягивающих синих костюмах и туфельках на каблучках, то и дело хватались за голову, пытаясь увещевать разохотившихся в еде и питье вина пассажиров. Мне тоже периодически предлагали «стаканчик за знакомство», и я еле успевал извиняться, объясняя, что не пью. Весьма странным было то, что наш полёт в итоге обошелся без эксцессов, но по прибытию на место, то есть в Минводы, из самолёта пришлось доставать чуть ли не десяток полностью пьяных мужиков, остальные же были хорошо «подшофе». Впрочем, молдаване – люди не конфликтные, поэтому всё завершилось благополучно, без милиции, и вскоре почти все, летевшие этим рейсом, погрузились в специально поданные автобусы и отбыли в город

Пятигорск.

Так как отдых наш на все 24 дня назывался туристическим, то и поселили всех нас — а это человек сто пятьдесят — в одном громадном семиэтажном туристическом корпусе. Моя комната оказалась на четвёртом этаже, в ней стояли три кровати. Соседями моими оказались всё те же развёсёло-пьяные коллеги — работники овощторга откуда-то с севера Молдавии. Один из них, Семён, мужчина лет пятидесяти, привёз с собой, кроме канистры с вином, ещё и аккордеон, на котором он, как вскоре выяснилось, вполне сносно играл. Третий наш товарищ звался Иваном, ему было около сорока лет, и он тоже был музыкант, игравший на ударных; правда, он свои инструменты привезти не удосужился. Кроме того, он был заядлый картежник, хотя, как вскоре выяснилось, весьма слабый игрок, так как для игры дальше своего села не выезжал. Стоит ли говорить, что наша комната с первого же дня стала местом встреч любителей активного отдыха и развлечения для всех желающих, и особенно почитательниц народной музыки, танцев и выпивки. День за днём с самого утра и до позднего вечера у нас не переводились гости — в основном это были дамочки, скажем так, бальзаковского возраста. Они приносили с собой еду и вино, и потому праздник был бесконечным. Семён никому не отказывал, если поступало предложение сыграть. Конечно, я на этом фоне смотрелся немного чужаком: я, скажем так, не являюсь ярим поклонником народной музыки; да и питье вина меня

не прельщает. Ну, и дамочки указанного возраста меня, тонкого эстета в этой области, каковым я сам себя считал, тоже никак не привлекали.

И потому я стал вечерами искать уединения где-нибудь в недрах нашего огромного корпуса – то в столовой, то в библиотеке, а то и в прогулках по городу, благо в Пятигорске есть куда сходить и что посмотреть.

Но главное, уже буквально со второго дня нам была представлена туристическая программа, довольно обширная, кстати. И все новоприбывшие стали обсуждать предстоявшие нам автобусные поездки по маршрутам, проложенным во всех возможных направлениях. Так, предложены были поездки в Грозный, Назрань, Нальчик, Владикавказ, Карачаевск, Черкесск и ещё куда-то. А также в ту часть Дагестана, где находились чудодейственные, как говорили, Голубые озера; были и ещё какие-то маршруты, которых я не запомнил.

Здание, в котором нам предстояло прожить почти месяц, входило в комплекс, состоявший из трёх одинаковых зданий, расположенный на краю города. Напротив нашего комплекса, метрах в трехстах, имелось еще одно отдельно стоящее пятиэтажное здание. Наверное, тоже гостиница для туристов, подумал я, выйдя наружу утром второго дня после приезда, и вглядываясь в толпу народа, находившегося около того здания. И с удивлением обнаружил, что там были одни лишь женщины. Но я ошибся.

– В этом здании находится лечебный корпус для женщин, у которых имеются проблемы по-женски, ну, которые не могут забеременеть, – заметил мне мужчина, случайно оказавшийся рядом.

– Спасибо за информацию, – сказал ему я, и он кивнул.

Я отнесся к этому сообщению спокойно, чего нельзя было сказать о моих земляках, едва они только узнали об этом.

– Ёлки-палки, – выглядывая в окно, за которым виднелось это самое здание, волнительно заявил Семён. – Это же целый батальон баб, которые не могут забеременеть. Так давайте же поможем им с этим делом!

Этот клич был услышан и тут же подхвачен другими нашими земляками, и в течение двух-трёх последующих дней туристы из Молдавии количеством около трехсот человек (те, что находились там еще до нас, и те, что прибыли на следующий день) перемешались с не меньшим количеством женщин из корпуса, что напротив; а уж там-то были сотни представительниц всех союзных республик возрастом от восемнадцати до сорока с лишним.

К тому же туристические автобусы для нас и для соседок стояли по утрам на одной площадке, что только упростило общение: наши мужички с ходу знакомились с дамочками, крутившимися у автобусов, после чего уже совместно выбирали поездки по интересам. И конкретно в рейс многие отправились уже попарно – мужчина и женщина, соразмерно своим симпатиям. Поначалу гиды смущались, а то и возму-

щались таким смешением полов, но вскоре смекнули, что так будет лучше для всех: мужики в дороге не будут пьянствовать, а дамочки истерить.

Итак, буквально уже с первых дней заезда нашей группы сексуальная жизнь в обоих корпусах забила ключом: стихийно в нашем микрорайоне, ограниченном несколькими корпусами, создались многие десятки, если не сотни временных пар. Сельские мужички, освободившись от контроля жён и повстречав толпу свободных и доступных, а главное, совсем ещё молоденьких дамочек, по большей части городских, интеллигентных, – вспомнили о своем мужском предназначении. Те же, понятное дело, находясь в курортном настроении, да ещё и с проблемами бесплодия, почти все одновременно бросились в приключения, невзирая на то, что мужички-то наши были почти поголовно малообразованные колхозники. Надо сказать, что и администрация нашего корпуса, уловив всеобщее любовное настроение, не подвела, а сообразно моменту перестроилась, ведь на дворе был 1987 год – реннесанс перестройки. Шестой этаж нашего здания, где все комнаты до сих пор простаивали без дела, возможно ввиду зимнего времени, был оперативно задействован и стал функционировать: комнатки эти чуть ли не официально стали сдаваться всем желающим по часам: два часа – пять рублей; ночь – десятка, и так далее. Видимо, клич Горбачёва – перестраиваться – и тут сработал в нужном направлении.

В этом режиме прошла вся следующая неделя: каждое утро после завтрака из нашего корпуса вываливалась группа бодрых мужичков, свежевыбритых, пахнущих дешёвым одеколоном, которая сразу же перемешивалась с группой женщин из соседнего корпуса, после чего все они, уже попарно, оживлённо разговаривая, отправлялись к автобусам, на которых имелись таблички с предстоящими маршрутами. Стоит отметить, что всё дальнейшее происходило тоже вполне демократично: автобус за автобусом заполнялись желающими, после чего трогались с места, и лишь тогда гид – чаще всего это была женщина среднего возраста, – записывала фамилии туристов, отправляющихся в поездку.

Мне порой было даже немного неловко, что я езжу один, так как одиночек в таких поездках с каждым разом становилось всё меньше. Нет, желающих поехать со мной дамочек было предостаточно, одним утром я даже получил сразу два предложения, но вот сами дамочки мне не приглянулись, и я, стараясь быть крайне вежливым, отказался от совместной поездки. Один такой отказ, весьма возможно, сохранил мне жизнь, о чем я сейчас и расскажу.

Вот не помню только, куда именно в тот день направлялся тот самый злополучный автобус.

Когда я вышел из своего корпуса, как обычно в гордом одиночестве, ко мне подошла дамочка в куртке и шапочке.

– Вы не желаете отправиться вместе со мной по маршруту от П. до К.?

– В смысле? – не понял я. – Вы – гид?

– Да нет, – растерянно улыбнулась женщина, которой на вид было слегка за тридцать. – В смысле вместе, вдвоем ехать, сидеть, общаться.

– Простите, пожалуйста, у меня сегодня несколько другие планы, – ответил я, и, заметив на её лице разочарование, добавил: – Сожалею, возможно как-нибудь в другой раз и по другому маршруту.

Против самой женщины я ничего не имел, она была вполне ничего себе внешне, но в тот день я действительно задумал ехать по конкретному маршруту, и это было в другом автобусе.

А по возвращению из рейса, уже поздно вечером, мы узнали, что тот самый автобус, следовавший по маршруту П. – К., где-то на горном перевале из-за снежных заносов или же по причине скользкой дороги, не удержался на ней и свалился в пропасть... Не так, чтобы очень глубокую, но всё-таки. Девятнадцать человек из того автобуса попали в больницу, четверым же помощь уже не понадобилась... Вот так-то... Что, почему, как – не сообщалось, у нас ведь тогда – 1987 год – любые катастрофы замалчивались. Кстати, ту самую женщину я так больше и не встретил...

Здесь стоит отметить, что вечерами, сидя в фойе перед телевизором, мы чуть ли не каждый день узнавали из новостей, что неподалеку от нас, там-то и там-то, на горных склонах Кавказа сошла очередная лавина, и то отару овец на-

крыло вместе с пастухом, то машину с пассажирами снесло в пропасть, и есть погибшие... А то и вовсе после схода лавины в долине нашли труп человека, державшего в смертельных объятиях медведя. Жутко было слышать, что вот так, без войны, в этих благословенных местах, необыкновенно красивых, из-за стихии гибнут люди. Но горы – не шутка. Ни летом, ни, тем более, зимой.

И всё же одна дамочка из всех тех, которые то и дело мелькали перед моими глазами, мне таки нравилась. Это была стройная как тростиночка, чуть выше среднего роста хорошенькая лицом девушка с крупными кудрями каштановых волос. Нет, она не лечилась от бесплодия, она жила в нашем корпусе, то есть считалась, так же как и я, туристкой. От скуки я стал караулить её по утрам, стоя в коридорчике под фикусом, когда она торопилась на завтрак в столовую. Фантазируя о встрече и последующем разговоре с ней, я коротал время. Но вот она вновь появляется. Моё сердце вздрагивает. Всегда одна. Садилась есть она тоже одна, или же официантки подсаживали её за столик к кому-либо из женщин, где имелось свободное место. Когда мне представлялся случай, при встрече в коридоре или столовой я улыбался ей, но её строгое лицо было непроницаемо, и мое внимание вот уже на протяжении нескольких дней оставалось без ответа. Увы, так нередко бывает: те, кто нам нравятся, нас в упор не замечают. И наоборот, конечно.

В один из дней сразу после завтрака я увидел в коридоре объявление о том, что сегодня вечером в нашем корпусе состоится поэтический вечер-конкурс, на который приглашаются все желающие. Время было подходящее: шесть вечера. А так как сегодня мы имели короткую поездку, которая

должна была закончиться около трех пополудни, мне это было интересно.

Так и случилось: поездка прошла как обычно, на уровне, и вовремя закончилась, а без четверти шесть я, одетый по случаю в костюм-тройку, спустился вниз, в актовый зал. Там, к моему удивлению, собралось немало народу, человек сто пятьдесят, если не больше. В президиуме, если можно тут выразиться этим знакомым всем словом, уже сидели трое: старший гид, массовик-затейник и ещё один мужчина, мне незнакомый. Его представили как местного поэта, знатока творчества М. Ю. Лермонтова, и поэтический вечер-конкурс начался. Уж не знаю, по какому принципу отбора, но меня тут же пригласили в жюри. Вероятно, благодаря костюму; ну не по возрасту же, какие мои годы. Я, честно говоря, накануне подумывал сам выступить, прочитав какое-нибудь чужое, а то и вовсе свое стихотворение, ну да ладно.

...И послушно проследовал в жюри.

По очереди выступили пять-шесть чтецов из желающих. Они более или менее достойно исполнили знакомые многим стихи известных поэтов, среди которых были и стихи Лермонтова; наградой им стали редкие аплодисменты. Затем выступил местный поэт с коротким экскурсом в поэзию, делая акцент на творчестве Лермонтова. После чего вечер продолжился, и стихи прочли еще пара чтецов. Но вот на сцену шагнула... Она. Это была та самая девушка, которая мне нрави-

лась.

– Лина, – тихим голосом назвалась она, подходя к микрофону.

И девушка вначале прочла стихотворение М. Ю. Лермонтова «Зови надежду сновиденьем». А потом ещё: «Она была прекрасна, как мечта» и «Она не гордой красотою».

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает;
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос в душу проникает
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Лина. Загадочная девушка Лина. Она читала, словно рассказывала о себе. Дикция её, манеры, голос – всё в ней было прекрасно, да и голос звучал дивно. И это ещё более завораживало, притягивало меня.

Сердце моё защемило, и я почувствовал хорошо знакомое мне ощущение: я влюбился.

В смятенных чувствах я отыграл до конца свою роль в юри, и благодаря мне, то есть моей настойчивости, именно Лина заняла в конкурсе чтецов первое место, а призом ей послужил двухтомник, – ну конечно же, кого же ещё, если мы находимся в Пятигорске, – естественно, М. Ю. Лермонтова.

На следующий день утром я с группой сотоварищей находился на месте дуэли поэта, к слову сказать, весьма условном, а затем мы побывали в доме-музее этого замечательно-го, любимого мною, как, впрочем, и миллионами других ценителей, поэта. Осматривая мебель, утварь и личные вещи той эпохи, которых, возможно, касался сам великий поэт, и в пол-уха слушая объяснения гида, я в то же время думал только лишь о ней, о Лине. В тот же день мы ещё побывали в знаменитом Провале, который, впрочем, меня не впечатлил.

Уже ближе к вечеру я, терзаемый сердечной мукой, занял наблюдательный пункт прямо у лифта нашего корпуса. Лифт этот был небольшой – на три места, и единственный в здании, так что шанс увидеть, встретить Лину у меня был немалый, тем более что она жила на пятом этаже.

И вот, спустя минут тридцать терпеливого ожидания, мне повезло: когда Лина, одетая в лёгкий вязанный свитерок темного цвета и тёмные же брючки, подошла к лифту, я отлип от стены, где стоял отвернувшись, как бы ожидая кого-то,

и шагнул следом за ней.

Она на ходу обернулась, на лице ее возник вопрос, кажется, пробежала легкая досада, тут же сменившаяся еще какой-то эмоцией, но я, почти втолкнув девушку внутрь, вошёл следом и нажал кнопку своего этажа.

– Ты... Вы... Что вам надо? – спросила меня Лина. – Почему вы меня преследуете?

– Тебя... Вас... Мне надо вас, – в тон ей ответил я томным голосом и нажал кнопку «стоп», которая также имелась на пульте лифта.

Кабинка лифта послушно остановилась.

– У меня просто нет шанса по-другому пообщаться с тобой, Лина, вот я и выбрал этот вариант, – уже нормальным голосом проговорил я.

– Вы... ты... собираешься меня изнасиловать, – в её взгляде был испуг, и еще что-то, мною не понятное.

– А что, у меня есть другой способ общения с тобой? – жестко спросил я. – Ты меня явно избегаешь, и что мне ещё остается, как не воспользоваться моментом.

– Ты собираешься делать это здесь, прямо в лифте? – обезоружила она меня.

– Конечно, – ответил я, хорохорясь. – Иначе, едва мы выберемся отсюда, ты устроишь скандал, станешь кричать. А так я сделаю дело, а выходя наружу, просто скажу, что в лифте что-то там заело, и девушка испугалась. – Я опустил ладони ей на плечи и спросил: – Ну, так что? Я прав? Ты

готова?

– Слушай, Савва, давай пообщаемся по-человечески, – вдруг сказала она просто и мягко, словно мы были старые знакомые. – Выйдем, прогуляемся куда-нибудь, а хочешь, присядем где-нибудь, поговорим...

– О, да ты знаешь мое имя, – с ложным удивлением в голосе воскликнул я. – Уже лучше. Ну что ж, тогда будь потвоему, но учти, я делаю это сугубо из гигиенических соображений. И знай, второго шанса я уже не упущу, а он, этот шанс, обязательно подвернётся, вот увидишь.

С этими словами я нажал кнопку 7. Кабинка лифта послушно пошла вверх. На седьмом этаже здания, как я слышал, но сам ещё там не бывал, находилось кафе с баром.

Мы вышли на последнем этаже. Да, всё здесь выглядело гораздо солиднее, чем на прочих этажах. Стены окрашены в нормальный салатовый цвет, коридор хорошо освещён. Ну, и вход в бар, конечно, такой весь из себя нарядный, это был стеклянный витраж с богатым цветастым орнаментом.

Мы вошли внутрь – она впереди, я – следом, – и стали оглядываться по сторонам. Обыкновенный бар с классической рижской стойкой на два рабочих места; помещение, правда, довольно большое. Десятка три столиков, обширная площадка для танцев. И всего с десятков клиентов, сидевших попарно. В связи с ранним часом тут ещё не подавали алкоголь, о чём свидетельствовала строгая табличка на стойке «Алкогольные напитки после 14.00», зато в нали-

чий были самые разнообразные соки, включая экзотические, о чём сообщало меню, выставленное на видном месте – большое и красочное. Мы с Линой, которая, к моему удивлению, не сбежала от меня с криками: «Караул, грабят!», или, более того, «Спасите, насилуют!», а всё ещё находилась со мной рядом, подошли к стойке и присели на свободные пуфики.

– Что желаете? – спросил нас приветливый светловолосый бармен.

– Если портвейна пока нет в наличии, то сделайте нам ваш фирменный смеш из соков. – Я ткнул пальцем в меню.

– Ты любитель портвейна? – стрельнула в меня глазами Лина.

– Вообще-то нет. Но сейчас, когда моя голова идет кругом по известной тебе причине, я готов на любые обычно не свойственные мне поступки. То есть выпить чего-нить такого. Сногшибательного.

Услышав слово «выпить», наш бармен лукаво оглядев нас, сказал:

– Может, желаете шампанского? У меня есть лучшее, французское. Правда, недёшево. Сойдёт за сок по этому времени. – Он широко улыбнулся, красиво держа в ладони сверкающие чистотой бокалы.

– Я поглядел на Лину, она едва заметно кивнула, и я сказал бармену:

– Два бокала, пожалуйста.

– А может, все-таки у них найдется портвейн? – Лина

установилась на меня в упор, и теперь её взгляд, казалось, проникал внутрь меня.

– Насчет портвейна я пошутил, – ответил я ей. – Вообще-то я пью исключительно коньяки. Ну а вот так, днем, или в компании с дамами, я пью шампанское.

– Вот бы никогда не подумала, – сказала девушка, пригубляя из своего бокала.

– Лина – это полное твое имя? – спросил я, тоже пробуя шампанское на язык. Оно мне не понравилось; наше, советское, на мой взгляд вкуснее, или же попросту привычнее.

– Половинка. Ну, есть такой штат в Америке, – ответила она.

– Или нос? (Иллинойс) – блеснул я знанием штатов и одновременно пошутив.

– Каролина, конечно же, – гордо ответила она.

– Ах да, – согласился я. Затем слегка приблизился к ней и прошептал: – Северная или Южная?

– А ты угадай, – последовал ответ.

– Давай подсказочку, – включился я в игру. – Ты где родилась?

– Я родом из Тулы. Всю жизнь там провела. – Девушка пробарабанила пальцами по стойке какой-то сложный код.

– Ну вот, – я сделал вид, что усиленно соображаю. – Тогда ты, конечно же, северная красавица, холодная и неприступная.

– Ну-ну, близко к правде. – Лина в два глотка допила свое

шампанское. – Ещё что-нибудь обо мне скажешь?

– Позднее еще скажу, когда получше и поближе тебя узнаю, – напустив на себя равнодушный вид, сказал я. После чего сделал бармену знак, чтобы он повторил нам шампанское.

– Ты любишь поэзию, стихи? – спросила она.

– Да, – просто ответил я. – Вечером после того, как ты выиграла конкурс чтецов, я лёг, но не смог уснуть... Всё думал о тебе, и даже написал стишок.

– Ну-ка, ну-ка, любопытно будет послушать, – Глаза Лины, светло-карего оттенка, не слишком большие, но весьма красивой формы, выразили неподдельный интерес.

– Ну так слушай.

Я прокашлялся.

Я ропщу...

Я ропщу на судьбу, я судьбой недоволен,
Но в поступках своих, к сожаленью, не волен.
Может, возраст тому основная причина,
Цель с годами теряет даже сильный мужчина.
Прежде я, полюбив, изменил бы судьбу,
Но теперь я привычной дорогой бреду...

Мне, увы, не дано ощутить плен прекрасный
Твоих рук, твоих губ, – все надежды напрасны,
Не объемлю твой стан, задыхаясь в восторге,

Испытать не придётся нам огненных оргий,
Не развею печаль твоих глаз поцелуем,
Даже вальс мы с тобою вдвоём не станцуем...

Я ропщу на судьбу, я судьбой недоволен,
Но в поступках своих, к сожаленью, не волен.

(стихотворение автора)

После того, как я закончил его читать, последовала долгая пауза.

На лице девушки отобразилось смятение чувств, что возрадовало меня. «Во всяком случае, если это и не симпатия, то и не антипатия, то есть она равнодушна ко мне, а это уже кое-что», – решил я.

– Это ты написал? – наконец подала она голос.

– Ну да, – скромно ответил я. – Я же говорю: прошедшей ночью.

– Если бы ты участвовал в конкурсе, то, вероятно, сам бы и получил первый приз, – сказала она.

– Мне приятнее было увидеть его в твоих руках, – галантно сказал я с улыбкой.

– А вот я стихов не пишу, – с грустью в голосе сказала она. – Уже не пишу. Скоро два года тому... Просто не могу. Только читаю чужие.

Моя ладонь непроизвольно накрыла ее маленькую ладошку.

– Два года назад что-то случилось? – осторожно спро-

сил я.

– Да, случилось, но не будем об этом, – сказала девушка, слегка вздрогнув, и я тихонько убрал свою руку.

– Стихотворение твое немного странное, не вписывается в логику, – сказала она.

– Почему это? – удивился я.

– Ну, не вяжется с реальностью, какое-то безнадежное, что-ли... А ты ведь мужчина решительный и смелый, ведь так?

– Ну да, в общем, – ответил я. – Но иногда мне ужасно мешает это моё интеллигентное воспитание. Вот как недавно в лифте, например. А в жизни надо быть проще: решил – и сделал, захотелось – и взял.

– Перестань, Савва, – мягко остановила она меня. – Это тебе не подходит. Ты же не животное. Я вижу, что у тебя богатый внутренний мир, эмоции, фантазии, наверняка какие-то таланты, поэтический например, а ты – об этом...

В этот момент бармен включил музыку, какой-то блюз, и я решил действовать.

– А мне, может, хочется ласки, – сказал я и встав с пуфика, обнял Лину сзади за талию. – Обыкновенной такой грубой, животной ласки. – Я снял девушку с её места, опустил на ноги, развернул к себе лицом и положил ей руки на талию: – Потанцуем?

Она подняла на меня свои прекрасные глаза, затем руки её легли мне на плечи, и девушка ответила не без жеманства:

– А я могу сейчас сказать, что не танцую?

– Уже нет, – с улыбкой сказал я, и мы пустились в медленный, но весьма эмоциональный танец.

Одновременно я её жадно разглядывал и всё мне в ней нравилось: лёгкая смуглость кожи, каштановые пряди волос, удлинённый овал лица, милые чуть выпуклые скулки, большие кажущиеся бархатными из-за густых бровей и длинных, красиво загнутых ресниц, глаза, аккуратный ровный носик, небольшой рот с чувственными губами средней полноты.

– Тут, в нашем корпусе, а ещё в соседнем, женском, учебном, полно всяких разных девушек и женщин – любого возраста и на любой вкус, которые легко поймут тебя и с восторгом примут твоё предложение насчет животной ласки, – сказала мне Лина как-то печально, без улыбки, когда мы, закончив наш танец, вернулись на свои места.

– Да, это так, пожалуй, – сказал я. – Но увы, мне нравится другая, совершенно не похожая на тех многих.

– Всё ясно с тобой, – сказала Лина, вставая со своего стульчика. – Будь джентльменом, Савва, проводи меня до моего номера, ну, то есть до комнаты. – Девушка мило улыбнулась. – А завтра, если захочешь, поедem вместе. Автобус наш направляется в Кисловодск, и мне очень хочется там побывать, посмотреть, насладиться.

Ответом ей был мой молчаливый кивок.

– Я, как ты знаешь, из Тулы, а вот мой отец, которого я уже и не помню, он из этих мест, – уже дорогой, когда мы шли

по коридору, говорила мне Лина. – Мама – русская, а отец – дагестанец.

– Теперь понятно, почему ты так сложена, – с восхищением заметил я, в очередной раз с удовольствием оглядывая ее тонкую фигурку. – Здесь, на Кавказе, очень многие женщины, а уж тем более девушки, стройны как берёзки.

– Хорошее сравнение, – сказала Лина, подходя к двери под номером 512. – Правда, мама моя тоже не полная.

– Кстати, – перебила она сама себя, – мы уже пришли. Коротко кивнув девушке, я откланялся.

– Так что, мне завтра ожидать тебя около автобуса? – просто спросила она.

– Я буду там ровно в восемь, – ответил я и, повернувшись, отправился восвояси.

В нашей комнатке на троих было пусто. И это было приятно, можно было спокойно полежать, поразмыслить. В принципе, мои соседи были парни нормальные, но вот их гости... и особенно гости. Не раздеваясь, я улегся на свою кровать, сварливо отозвавшуюся на мой вес скрипом.

Едва я стал в уме перебирать детали прошедшего дня, как в дверь постучали. Робко так. Встав, я отпер дверь. За ней оказались две дамочки из тех, что уже бывали в нашей комнате. Одна из них была симпатией Семёна, другая Ивана.

– Ой, извините, а что, Семёна еще нет? А Ивана? – спросила первая, которую, как я помнил, звали Зинаида.

– Пока ещё не пришли, – ответил я.

– А вы не знаете, когда они будут? – спросила Зина.

– Да уж заходите, – сказал я, отворяя пошире дверь, – на-верняка ведь они вас пригласили, судя по вашим нарядам.

– Да, знаете, Савва, они нам сказали подойти к этому часу, – сказала вторая мадам, Нина, ткнув пальцем в циферблат своих часиков.

Обеим дамочкам было лет по сорок пять. Ну, из той самой серии, что «баба в сорок пять ягодка опять». Я оглядел их повнимательнее. Одеты они были в платья, на одной было цветастое, в горошек, на другой – в крупный фиолетовый цветок, на шеях и руках у обеих – комплекты дешёвых бус

и колец; на ногах туфли на каблучках; одеколон же они использовали один на двоих, очевидно из экономии.

Я отошёл к окну и сел в кресло, предложив дамочкам присаживаться. Нина села прямо на кровать Ивана, Зинаида же, слегка смущаясь, поставила на столик пакет с двумя бутылками местного вина, после чего опустилась на один из свободных стульев. Не зная, о чём говорить с гостями, я включил стоявший на столе транзисторный радиоприёмник и поймал какую-то танцевальную музыку. К моему удивлению, дамочки сразу же пустились в пляс, и я понял, что они были уже слегка навеселе. Минут через несколько к запаху одеколona, стоявшему в комнате, примешался стойкий запах пота, и я приоткрыл форточку. На дворе была зима, стоял февраль, но в этих краях зима была мягкой, температура днем не превышала 7—8 градусов тепла, хотя ночью иногда и подмораживало.

Развеселившиеся дамочки открыли одну из бутылок и самостоятельно угостились: по стакану полусладкого. Мне тоже предложили, но я отказался. При этом Зинаида уже раза два-три успела пройтись вплотную ко мне своим округлым задом и протереться им о мои колени. Когда это случилось в четвертый раз, я её уверенно и сильно отстранил от себя, давая понять, что со мной заигрывать не следует.

— Ну чего ты такой зануда, Савва? — остановившись и надув губы, спросила Зинаида. — Станный ты, все здесь гуляют и развлекаются, а ты вполне ещё молодой мужчинка, вид-

ный и симпатичный, никак себе подругу не найдёшь.

– Да я, Зин, видишь ли, сюда вообще-то приехал всякие разные достопримечательности осматривать, – ответил я. – А насчёт этого... Знаешь анекдот про проститутку, приехавшую на курорт?

– Нет, – одновременно заинтересовались обе дамочки.

– Ну, на одном из курортов, как наш, например, только летом, один мужчина подходит к понравившейся ему дамочке и говорит:

– А почему бы нам с вами не провести этот вечер вместе?

А дамочка его и спрашивает:

– Ты вот кем работаешь?

– Я – рабочим, токарем-многостаночником, – гордо отвечает мужчина.

– Вот и представь себе, – говорит ему женщина, – ты выходишь на пляж, а там станки, станки, станки... Вот и я так же, приехала отдохнуть от того, куда ты меня зовешь...

Ну и я, Зин, тоже здесь на отдыхе нахожусь, если ты меня понимаешь.

К счастью, мои соседи – Семён и Иван – как раз в эту минуту появились в комнате, освободив от необходимости объяснять анекдот. И сразу – смех, объятия, поцелуи. Не желая мешать, я вынул из шкафчика свою куртку с шапкой и вышел из комнаты, Семён на прощание мне понятливо подмигнул. Вернулся я уже достаточно поздно – в первом часу ночи; наших гостей, к счастью, в комнате уже не было, а мужики

мирно спали, слышался их неслабый храп.

Утром мы втроём завтракали в столовой. Помещение было огромным, и потому нас, отдыхающих, для удобства обслуживающего персонала сажали в огороженном стульями месте, чтобы мы не разбегались кто куда. Столы к нашему приходу были уже накрыты: манная каша стыла в тарелках, а ещё тут были яйца, творог, сыр; какао и кофе официантки разносили всем желающим в чайниках и подливали. Семён с Иваном, чувствовалось, прямо горели желанием рассказать мне о своих вчерашних «подвигах», но я не хотел себе портить аппетит, поэтому попросил их оставить эти подробности на вечер. Плотно перекусив, – когда ещё придется поесть, – я выбрался в фойе. Тут, в большом светлом помещении, скопилось уже около сотни наших туристов, одетых по зимнему – в куртках, пальто, шапках. Они ходили, поглядывая в огромные светлые окна, в которые были видны то и дело заезжавшие на стоянку автобусы. А вскоре и гиды, поочередно входя внутрь, стали выкрикивать свои маршруты. На этой волне и я выбрался наружу, где меня встретило довольно прохладное утро. Воздух снаружи был чистым, свежим и бодрящим, а далёкие горы, едва видимые в дымке тумана, приятно радовали глаз. Таких видов в Молдавии нет, там самый высокий холм расположен на высоте, кажется, 454 метра, и то я не знаю, где это. А тут чего стоила толь-

ко одна гора Машук высотой почти в километр!

У одного из автобусов я заметил Лину и поспешил к ней.

– Привет, – сказал я, легко пожимая её руку в матерчатой перчатке.

– Доброе утро, – ответила девушка. Лицо её, свежее с морозца, было весьма привлекательным. Чуть розовые щёчки, слегка подкрашенные губы, гордый прямой кавказский нос, не превышавший, впрочем, нормального размера. И глаза – волнующие, красивой и несколько сложной формы бровки, трепетные реснички.

– Какая же красивая ты, Линка, – только и нашёлся я. Конечно, это был простой, но беспроегрышный вариант; кого же обидишь комплиментом.

– У тебя руки без перчаток горячее, чем мои в перчатках, – сказала Лина.

– Это у меня врожденное, – усмехнулся я, влезая следом за ней в автобус. Внутри было тепло и комфортно. Я усадил Лину к окну, сам сел рядом, в несколько следующих минут автобус наполнился туристами, и мы тронулись в путь.

– Сегодня, друзья, нам предстоит посетить прекрасный город Кисловодск, – сказала гид в микрофон. – Наверное, нет в нашей стране человека, который бы не слышал об этом прекрасном городе. А некоторым из вас наверняка повезло там побывать и прежде.

Честно говоря, я из той поездки и из объяснений гида так ничего и не запомнил... Ну, или почти ничего. Зато мы слав-

но пообщались с Линой.

Вернулись из поездки мы рано, было всего четыре пополуночи.

– Ёлки-палки, если честно, я так есть хочу, – сказала Лина, когда мы с ней выбрались из автобуса.

– Ну да, точно, обедали-то мы сухпайком, – сказал я. – Бутерброды с сыром и кофе со сгущёнкой. И то это было в двенадцать часов. И до ужина ещё так долго. Короче, я тоже голоден.

Я огляделся по сторонам. Неподалеку от нас у дороги располагалась временнаязабегаловка: столик с весами, около которого дымила шашлышница; рядом крутился молодой парень с ярко выраженной кавказской внешностью, который этими самыми шашлыками заведовал. Одет он был в белую поварскую куртку. Без лишних слов я увлек Лину к этому столику.

– Хади сюда, дарагой, гостем будиш, – приветствовал меня молодой парень, хозяин заведения, делая широкий приглашающий жест.

– А что, уважаемый, шашлыки долго ждать, или у вас есть готовые? – спросил я.

– Абижаеш, дарагой, один минут и всё готовый, – парень в белой куртке в знак доказательства своих слов шевельнул шампурами. Действительно, в шашлычнице виднелись готовые на вид шашлыки вполне симпатичного вида и удобоваримого цвета.

– У вас они поштучно или на вес? – спросил я, поддерживая Лину за локоть.

– На вес, дарагой, на вес.

– Тогда два по триста, пожалуйста, – сказал я. – Ну и конечно, всё что у вас там есть вкусенького – в комплекте, – я кивнул на глубокую тарелку, в которой горкой высились соленья, от вида которых у меня во рту потекли слюнки.

Лина дернула меня за рукав.

– Я столько не съем, – шепнула мне она.

– Спокойно, я с тобой, – успокоил её я.

Тем временем грузин (во всяком случае мне пришла на ум эта национальность, судя по акценту парня), выставил на весы две тарелки рядышком, затем на противоположную чашу также две тарелки стопочкой – для противовеса, затем стал накладывать в них мясо, снимаемое им с шампуров. После чего глянул на весы, нахмурился, положил на мясо несколько кусочков хлеба, хотя в ценнике, прикрепленном к весам, было написано, что 100 граммов шашлыка нетто стоят 47 копеек. Но, видимо, и этого продавцу показалось мало, и он щедро добавил в тарелки соленой капусты.

Лина, заметив его неуклюжие уловки урвать с нас побольше денег, вновь дернула меня за рукав, но я сдержанно ей улыбнулся, давая понять, что понимаю все хитрости продавца. Тем временем взгляд «джигита» подобрел, и он положил на тарелки ещё несколько соленых помидоров.

– И всё это по цене мяса? – спросил его я, беря вилку

и перекладывая помидоры с капустой на третью тарелку, которую я взял со стола. Теперь на весах замерла цифра 550 гр. Мясо – нетто. Я протянул грузину трешку, потом, подумав, бросил следом еще рубль и он, сглотнув, молча взял деньги и сунул их в карман куртки.

Мы с Линой отошли в сторону, где стояли два высоких столика без стульев.

– Воришка, – наконец вынесла свой вердикт Лина.

– Кавказ – одно слово, – сказал я, вооружаясь вилкой и отправляя в рот первый кусок мяса. Оно оказалось вполне съедобным, хотя и недостаточно мягким.

– И что же теперь, ужинать не пойдём? – спросила меня Лина, закончив свою порцию.

– Не-а, в бар пойдём, – сказал я.

– Нет, Савва, там всё так дорого, – Лина состроила такое умильное лицо, что я не выдержал и рассмеялся.

– Мне это неважно, так как я накануне все отпускные за год получил, – весело сказал я, хлопнув себя ладонью по карману.

– Ну тогда разве что, – неопределённо произнесла Лина.

Вечером, что-то около девяти, мы вновь встретились в фойе. После чего решили подняться в бар. Лина сегодня надела красное шелковое платье, на ногах красные же туфельки, и только плетёный поясик, заколка в волосах, а также миниатюрная сумочка её были черного цвета.

– Честно говоря, я и не думала, что мне этот наряд придется надеть во время отпуска, – сказала девушка, когда мы направлялись к лифту.

– Однако мне это платье очень даже импонирует, – честно сказал я.

– Это потому что оно хорошо гармонирует с твоим красным замшевым пиджаком, – остудила она мои горячие чувства.

– Крепкое пить я не буду, – капризно скривив губы, заявила Лина, когда мы с ней присели за один из свободных столиков, и это прозвучало излишне категорически.

– Хорошо, тогда сделаем акцент на соки, – легко согласился я.

Стакан экзотического сока в этом баре стоил немало, целый рубль, что по нашим временам советским гражданам было ещё непривычно. Я это к тому говорю, что клиенты, которые то и дело подходили к стойке, ознакомившись с ценами, нередко покидали бар, так ничего и не заказав. Что же

касается моих земляков, то у нас в Молдавии целый литр вина стоит рубль максимум...

Мы с Линой в течение вечера перепробовали все соки, обозначенные в меню, от чего у меня под конец случилась изжога. Которая, впрочем, скоро прошла.

Под соки мы с ней болтали обо всём на свете, но мозг мой сверлила одна лишь назойливая мысль: готова ли девушка вступить со мной в интимные отношения, потому что лично я был готов как... ну, сами знаете. Меня наша дружба с Линой начинала утомлять, хотелось уже чего-то более существенного. Хотя внешне, не обладая сколько-нибудь зрелыми формами, девушка не была сексуально привлекательна, или, как теперь говорят, не была сексуальна, но меня она буквально завораживала, притягивала к себе.

– Скажи, Лина, ты ведь догадываешься о моих чувствах к тебе... – не сдерживая чувств, начал я. – Могу ли я рассчитывать на ответное чувство, на какую-нибудь близость... Понимаешь, я конечно же ощущаю единство наших душ, биение наших сердец в унисон, у нас с тобой много общего, несмотря на то, что мы очень мало знакомы. Хотя есть моменты, когда мы спорим друг с другом, но это абсолютно нормально. Но при всем этом давай не будем забывать и о том, что мы с тобой инь и янь – словно два полюса: ты – прекрасная представительница женского сообщества, я же – обыкновенный мужчина, мечтающий о слиянии наших душ, сердец, ну и тел, разумеется. Хочется полноценной близости.

сти, ты понимаешь меня? Конечно, я знаю что, говоря это, излишне прямолинеен, что шансы мои невелики, а ты ещё отказываешься выпить со мной даже по глотку шампанского. Насилие ты тоже не приемлешь, так что же мне делать, как быть? Я не сумею стать тебе другом, нет, ты меня волнуешь больше как женщина, как прекрасный её образец.

– Савва, я понимаю, что с тобой происходит, – после полуминутной паузы сказала Лина. – Ничего в этом необычного нет, и спасибо за прямоту. Дело тут, скорее всего, во мне. Понимаешь, пару лет тому назад я, наивная и неопытная девушка, влюбилась в одного парня, своего земляка. Я тогда только перешла на второй курс института, а он уже закончил военное училище. Военный летчик-вертолётчик. Офицер. лейтенант. Красивая форма, воин, победитель. Звали его Максим. Встретились, познакомились, ну и полюбили друг друга. Уже через неделю после знакомства он называл меня своей невестой, и только моя мама всё повторяла мне: подумай, доченька, не спеши, не принимай поспешных решений. Твой муж, если ты выйдешь за него, увезет тебя на Дальний Восток, а потом на Кушку, и лишь спустя двадцать лет – в лучшем случае, – он станет майором или подполковником, и только тогда у вас наступит нормальная, стабильная семейная жизнь. Но никак не раньше. А как до этого жить, работать, растить детей, то и дело переезжая с места на место? Как дом обустраивать, зная, что он не твой, что завтра-послезавтра надо из него уезжать?

Короче, я, послушав маму, сообщила моему возлюбленному, что должна подумать. Пару месяцев, не более того. А его спустя месяц забрали в Афганистан... Интернациональный долг, ну да ты знаешь. А уже спустя две недели он там погиб. Груз 200, как говорится.

Девушка, рассказывая, едва сдерживала слезы, было видно, что, несмотря на время, на годы, прошедшие с тех пор, боль еще не улеглась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.